

Последний выход Матадора

Автор:

Влада Ольховская

Последний выход Матадора

Влада Ольховская

Леон Аграновский и Анна Солари #5

Полиции удастся выследить опасного маньяка, устроившего охоту на женщин, но в его убежище они находят лишь мертвое тело – кто-то добрался до него раньше закона. Как и до насильника, не понесшего наказание. Как и до жестокой садистки. В городе появился убийца убийц, человек, взявший на себя роль судьи и палача. Однако его собственные мотивы могут оказаться не так благородны, как кажется на первый взгляд, и под маской справедливости способно скрываться еще большее зло. Следователь полиции Антон Чеховский обращается за помощью к консультантам, уже не раз ловившим опасных маньяков. Вопрос лишь в том, сумеет ли Леон Аграновский распутать это дело один – когда Анны не будет рядом.

Влада Ольховская

Последний выход Матадора

Пролог

Открыв глаза, она сразу же поняла, где находится: в своем убежище. И она точно помнила, что не приходила сюда добровольно.

Долго гадать, как она попала в темную комнату, не пришлось, память безжалостно подсказала: ее похитили. Набросились сзади, прижали что-то к лицу и душили – кажется, целую вечность! А потом стало темно... Она даже не успела сообразить, как это произошло. Она и сейчас не могла понять! Да, она вышла из дома поздно. Но улицы еще не были пустыми, в домах горели окна, она слышала голоса неподалеку от своего подъезда. Если бы у нее только получилось крикнуть, они бы услышали, пришли, помогли... Однако нападавший действовал слишком грамотно, он не дал ей шанса позвать кого-то. Уверенность его движений намекала: он проделывал такое не раз.

То, что ее похитили, уже было плохо, но оказаться в этой комнате куда хуже. Никто ведь не знал про ее убежище! Никто и не должен был узнать. Она всегда была очень осторожна, приходя сюда, всегда запутывала след. Она сделала все, чтобы это место не связали с ее настоящим именем... с ней. Нет, эта темная нора, пропахшая кровью и нечистотами, принадлежала Ирэн. Вот об этом знали многие – десятки, сотни тысяч человек! Те больные извращенцы или самопровозглашенные блюстители морали, которые просматривали ее видео в интернете. Уж они здесь изучили каждый уголок!

Она понимала, что будет плохо, если эту комнату и Ирэн свяжут с ней. Но она считала себя достаточно умной, чтобы избежать этого, она никогда не сомневалась, что ее не смогут найти и наказать. Теперь же, когда это случилось, она почувствовала, как страх сжимает ее сердце ледяной хваткой.

Она не собиралась сдаваться так просто. Пока она всего лишь привязана к крепкому деревянному стулу – но не ранена. Еще есть шанс, что вся эта безумная история завершится мирно! Ей нужно только доказать, что она не Ирэн, что нападавший обознался.

Когда глаза привыкли к темноте, она внимательно огляделась по сторонам. Ничего нового в ее убежище не появилось, все стояло на своих местах: рабочий стол, оборудование для съемки, мониторы. Но легче от этого не становилось, ведь инструменты, которыми она работала, теперь вполне могли использовать против нее. Она лишь сейчас заметила, что некоторые из них стали ржавыми от крови... Почему она не видела этого раньше?

Потому что это не было важно. Ее жизнь оставалась легкой и беззаботной, пока за ней не пришел какой-то псих.

Он и сейчас был здесь, очень скоро она услышала его. Он таился в темноте, не подходил слишком близко, и ей удавалось заметить его только боковым зрением – как неясное движение. Она попыталась двинуться, но веревки были завязаны надежно, умело, да и стул оказался на удивление крепким. Она сама когда-то выбрала такой... разве она могла предположить, для чего он будет использован?

– Эй, кто здесь? – позвала она. Ее голос звучал непривычно робко, жалко, в нем уже звенели слезы. Так ведь это к лучшему! Чем меньше она похожа на Ирэн, тем лучше, а Ирэн никогда так не говорит. – Почему вы напали на меня? Что я вам сделала?!

Он не ответил ей – и все же определенный ответ она получила. Включились два монитора, которые она сама установила в убежище, и тесная темная комната наполнилась леденящими душу звуками. Как странно все-таки устроена жизнь! Раньше все эти визги, скулеж и отчаянный вой только забавляли ее, они были музыкой для ее ушей. Теперь же от них стыла кровь, и слезы все-таки сорвались с глаз.

Но сожалела она не о том, что происходило на видео. Просто нападавший сделал свой намек совсем уж ясным: он пришел, потому что знает. Ему известна правда, которую она так надежно скрыла ото всех! Как – вот чего она не могла понять. Но сейчас это было не так важно, перед ней стоял молчаливый судья, скрытый темнотой, у которого ей предстояло вымолить прощение.

– Я знаю эти ролики, я видела их в интернете, как и все... Это ужасно! Но ты думаешь, что я – Ирэн? Та безумная девица, которая творила все это? Ты ошибся! Я не она, я даже не знаю ее!

Он должен был поверить ей, потому что она всегда была чертовски осторожна. Во время записи роликов она использовала программу, изменяющую голос. Она носила маску, она не показывала ничего такого, что помогло бы ее опознать: никаких татуировок или заметных личных вещей.

Она обманула всех, кроме него.

– Отпусти меня, прошу! Или вызови полицию, пусть они разбираются. Они докажут, что я невиновна! Не делай этого! Помогите!

Она все-таки сорвалась на крик, хотя та часть ее сознания, что еще не была парализована страхом, знала, насколько это глупо. Она ведь сама обустроила убежище так, чтобы никто ничего не услышал, чтобы не было здесь сердобольных прохожих, желающих сунуть нос не в свое дело. Она всегда гордилась этим, считая, что Ирэн не смогут помешать. И вот ее не могли спасти...

В лицо ей ударил яркий свет – похититель зажег лампы, которые она здесь и установила. Они не были слепящими, и все же глазам, привыкшим к темноте, стало больно. Она зажмурилась, а поток слез лишь усиливался.

– Да послушай же ты меня, черт бы тебя подрал! Я не Ирэн! Я не знаю, зачем ты притащил меня сюда, кто тебе что сказал... Но это не я, клянусь тебе!

В том-то и подвох: никто не мог ему сказать, потому что никто не знал. Она не настолько глупа, чтобы болтать! Всем ведь известно: когда тайну знают хотя бы двое, нет уже никакой тайны.

Поэтому в том, что он ее разоблачил, она видела что-то мистическое. Он человек вообще? Или дьявол, поднявшийся за ней из самой преисподней? Она понимала, что так думать нельзя, это слишком глупо. Но она ничего не могла с собой поделать! Никакая логика не объяснила бы то, что он провернул, и никакой разум тут не помогал. Ее похититель оставался неясным силуэтом, близким и бесконечно далеким, кружившим вокруг нее, как стервятник. Чудовищного в нем было куда больше, чем человеческого!

Он двинулся к ней, и она невольно вскрикнула, дернулась так, что скрипнул стул. Ей все сложнее было удерживать хоть какое-то подобие самоконтроля, она была слишком напугана. Перед ней стоял монстр, заглянувший в ее душу и узнавший ее грехи, и перед ним она была беспомощна.

Когда он навис прямо над ней, все такой же безликий из-за слепящего света за его спиной, она не сдержалась. Она понимала, что не должна ни в чем признаваться. Самое разумное сейчас – это снова и снова повторять, что она не имеет отношения к Ирэн, что он обознался.

Но он изменил правила игры. Он напугал ее так, как она пугала своих жертв, и перед ним она уже не могла изображать холодную стерву, упивающуюся чужими

страданиями. В этот миг она действительно не была Ирэн – она была существом, поддавшимся инстинкту самосохранения.

– Не делай этого! – взвизгнула она. – Ты не имеешь права! Я никогда не убивала людей! Слышишь? Только не людей! Они были всего лишь жалкими животными! Они бы все равно сдохли на улицах, я проявила к ним милосердие, я избавила их от страданий! Но я никогда не убивала людей...

Он прервал ее отчаянную, истеричную речь: она почувствовала, как он засовывает ей в рот что-то твердое. Ей почему-то показалось, что это дуло пистолета. Он убьет ее, выстрелит, и пуля разнесет ей череп! Она в панике сжала зубы, она трясла головой и сопротивлялась изо всех сил.

А он был готов к этому. Он сжал ее челюсть грамотно, умело – совсем как она поступала со своими жертвами! Она даже не думала, что такое можно проделать с человеком, а у него получилось. Она не успела сообразить, что произошло, когда он засунул ей в рот эту дрянь и закрепил на лице скотчем так, чтобы она не могла выплюнуть. После этого он отстранился – молча, беззвучно, совсем как раньше. Казалось, что он не испытывал лично к ней никаких чувств, он просто выполнял работу, порученную ему непонятно кем.

Чуть успокоившись, она обнаружила, что это не дуло пистолета. Во рту у нее было нечто, сделанное из крепкого пластика, легкое и полое – трубка для кормления! Она раньше видела такие только в кино, их использовали в больницах. Но ей-то эта дрянь была не нужна! Она попыталась выплюнуть трубку, однако напрасно, скотч держал надежно. Пластик протянулся через весь ее рот, расцарапав десны и внутреннюю поверхность щек, до горла. Она боялась, что от неосторожного движения ее вырвет, в ее нынешнем положении это была бы катастрофа.

А потом она заметила кое-что еще, то, что на несколько секунд отогнало страх и отрезвило ее сознание.

Напротив нее горели огоньки видеокамер, едва различимые за ярким сиянием ламп. Он снимал это! Ублюдок использовал ее собственное оборудование, великолепное, способное работать даже при таком скудном освещении. И теперь оно безжалостно фиксировало все: ее опухшее от слез лицо, ее размазанную косметику, ее раздувшиеся из-за трубки щеки.

Камера снимет и то, что произойдет с ней дальше. Вот только что? Раз это происходит в ее убежище, рядом с ее инструментами, можно предположить... Нет, недопустимо! Он не имеет права! Даже если она – Ирэн, даже если он может это доказать, он не должен наказывать ее так! Пускай подает в суд – она заплатит штраф, невелико дело! Она готовилась к тому, что рано или поздно ее кто-нибудь да разоблачит, она даже позволила бы сделать это, когда ей надоела бы игра. Тогда ей предстоял неприятный разговор с полицией, которого она совершенно не боялась. Зато ее слава, слава Ирэн, теперь была бы связана с ее настоящим именем и лицом!

А получилось вот как. Вместо болтовни с жирными, ни на что не годными полицейскими, – какой-то псих. Он снимет ее, он позволит людям увидеть... Что? Она не знала, не видела его и паниковала все больше. Она все-таки сорвалась – на истерику, на слезы. Не зная, что еще предпринять, лишенная последней возможности оправдаться, она билась в веревках изо всех сил. Она знала, что скоро паника захватит ее, и она уже не сможет нормально соображать, однако остановить это было невозможно, ее словно подхватила волна и несла куда-то к морской глубине.

Последним, что она услышала, прежде чем ее охватил животный ужас, был близкий шум воды.

Глава 1

Антон Чеховский

Он ударил кулаком по стене с такой силой, что даже старая добротная штукатурка, укрепленная не одним слоем краски, не выдержала. Она разлетелась в стороны пыльными хлопьями, а на месте удара осталась трещина и алое пятно. Кровь, конечно... Содрал кожу. Боли почему-то не было, не получалось ее чувствовать, а рана – вот она: широкая косая ссадина.

Леон понимал, что это чертовски глупо во всех отношениях, но ничего не мог с собой поделать. Злость и ярость переполняли его, разрывали изнутри, и ему нужно было хоть как-то их выпустить. Ему казалось: если он этого не сделает, они сожрут его. Он в жизни проходил через всякое, но такого не испытывал

никогда.

Он не мог даже сидеть на месте, он наматывал круги по камере, как тигр, впервые попавший в клетку. Леон говорил мало и только по делу, он никому не угрожал, однако, очевидно, было в его взгляде что-то такое, что настораживало полицейских. Поэтому, еще когда он попал сюда, из камеры убрали других заключенных – от греха подальше. Не то чтобы следователи их жалели, им просто не хотелось того скандала, который непременно последует, если Леон раздробит кому-нибудь череп.

Но беспокоились они напрасно. Леонид Аграновский не злился на мир – он злился на себя. Его провели, как какого-то малолетку! А он что же? Он был солдатом, полицейским, профессиональным охранником и даже охотником на серийных убийц, но когда его задели за живое, все это не помогло. Он чувствовал себя раненым и беспомощным, он поддался отчаянию. Теперь он едва помнил тот день, да и вспоминать не хотелось, но он должен был.

Придется признать: облажался он по полной, и нет тут никаких оправданий. Ему нужно было разобраться в своих воспоминаниях, чтобы это никогда больше не повторилось.

Ему следовало насторожиться, уже когда он увидел на пороге своей квартиры Юпитера. Он прекрасно знал, что перед ним преступник, умный, наглый и хитрый. Да еще обставленный им, а потому обиженный! Юпитер никогда бы не пришел просто так, поэтому неожиданная встреча с ним была не тревожным звоночком, а колоколом.

И вот тут Леону нужно было подготовиться и не верить. Вообще ничему! Юпитер – мастер обмана и манипуляций, он на таком карьеру сделал. Любое его слово нужно было проверить один раз, а потом перепроверить два раза, даже если оно оказалось правдой. Но что случилось в итоге? Юпитер за минуту убедил его в обмане!

Потому что сумел ударить по самому слабому месту – его любви. По той уязвимости, к которой Леон еще не привык. Он прожил на свете немало лет и давно перестал быть романтичным школьником. У него было много женщин, он успел жениться и развестись. После такого опыта слабо представляешь себя влюбленным в кого-то, особенно если раньше этого не происходило.

Но в жизни, пожалуй, не стоит ни от чего зарекаться. Он не мог сказать, когда понял, что любит Анну Солари. Он даже не заметил, как пришло это чувство! Потому что не хотел ни чувствовать, ни замечать. Такая любовь – это ограничение свободы, потребность в другом человеке, от которой так просто не уйти. Поэтому Леон закрывал глаза, пока мог.

Потом наступил момент, когда притворяться и дальше уже было нельзя. Они провели вместе ночь, и влечение к ней лишь усилилось. Леон не видел больше смысла сопротивляться – зачем, если двери ее дома открыты для него, если она доверяет ему? Между ними не было громких признаний, но это оказалось и не нужно, Леону хватало того, что никогда еще он не был так счастлив.

А счастье ослепляет не хуже горя. Он поддался ему, он наслаждался триумфом этой любви – и сам не заметил, как спровоцировал Юпитера. Он ведь сразу понял, что между ним и Анной что-то было! О том, что они были любовниками, Анна сказала позже, но даже без этого было видно, что Юпитер относится к ней иначе, чем к остальным.

Так что рядом с ним Леону следовало побольше думать и поменьше говорить. Но ему хотелось поставить этого подлеца на место, Юпитер и так слишком часто обходил его. Поэтому Леон не стал скрывать, что они с Анной теперь вместе. А что в итоге? Ему пришло сообщение с номера Анны, но, приехав домой, он обнаружил на пороге Юпитера – и квартиру, залитую кровью.

Юпитер еще и подлил масла в огонь. Он прямым текстом заявил, что убил Анну и готов обвинить в ее смерти Леона.

Тогда было такое чувство, будто на него обрушилась лавина. Леону и раньше доводилось бояться за нее, беспокоиться за ее жизнь, с ее работой иначе и не могло быть. Но никогда еще он не слышал прямого объявления о том, что она мертва. Да еще от кого – от преступника, которого сама Анна считала темным гением. Да, Юпитер мог убить ее, и Леон не находил ни одной причины, по которой тот не сделал бы этого...

Дальше все было как в тумане. Он думал о ее смерти – а чувство было такое, будто погиб он сам. Нет его, потому что нет смысла жить дальше, просыпаться каждый день, зная, что она исчезла навсегда. Он смотрел на кровь и не соображал толком, что происходит. Он не стал тратить время на Юпитера – не

сразу. Леон как никто другой понимал, что этот хореk только выглядит тощим и слабым. Он видел запись драки с участием Юпитера. Этот тип умеет постоять за себя!

Это вовсе не означало, что Леон не готов был свернуть ему шею – и что не смог бы. Он не сомневался, что уничтожит его, даже если это станет последним, что он сделает в жизни. Но сначала ему нужно было увидеть ее... то, что от нее осталось. Как бы больно и тяжело ему ни было, он должен убедиться и поставить точку в этой истории – и во всей своей жизни.

Поэтому, позабыв о Юпитере, он вошел в квартиру – но увидел только кровь. Багряные лужи, алые разводы. Так много, что рябит в глазах... Похоже, она сопротивлялась. Но Леон знал, что она будет сопротивляться! Анна не из тех, кто способен просто сдаться и позволить принести себя в жертву.

Против другого соперника она, может, и выстояла бы, а против Юпитера шансов не было. Он – единственный, кто так же умен, как она, и он знает ее. Он сумел обмануть ее, сделать уязвимой, и воспользовался этим... Но что он сделал? И где же тело?

Леон метался по квартире, пытаясь понять это. Очень скоро появились полицейские, похоже, Юпитер вызвал их заблаговременно. Они тоже не понимали толком, что происходит, но картина их ожидала не самая простая. Квартира, залитая кровью, а по ней мечется мускулистый молодой мужик с шальным взглядом – вот и как на это реагировать? Они, кажется, пытались задавать вопросы, однако Леон был не в состоянии произнести хоть слово, все его мысли были сосредоточены только на Анне.

Тогда полицейские попытались задержать его. Их было четверо, они были вооружены, их противник – нет. Они почему-то решили, что этого будет достаточно.

Но это они зря. Леон был намного сильнее каждого из них по отдельности, и он умел драться. Это оказалось куда важнее, чем численное преимущество. Он не нападал на них первым, но, если они пытались задержать его, он отшвыривал их, как котят. Им даже дубинки не помогали! Если бы кто-то из них додумался применить табельное оружие, Леону пришлось бы туго. Возможно, на это и рассчитывал Юпитер? Но нет, патрульные оказались не дураками.

Понадобилось еще две машины с подкреплением, чтобы скрутить его. Он был измотан – и морально, и физически. Он уже понял, что никакого тела в квартире нет, есть только кровь... Но никто ведь не смог бы потерять столько крови и остаться в живых! Как это вообще понимать? Ответа не было, и Леон позволил увести себя.

Когда его выводили из подъезда, он мгновенно разглядел в толпе наглую ухмылку Юпитера.

Первые несколько часов после задержания были для Леона адом. Он отстранился от мира, он не обращал внимания на заданные ему вопросы, он даже не понимал их значения. Его сознание было переполнено болью от одной-единственной мысли: ее больше нет. А значит, все остальное, включая месть Юпитеру, стало бесполезным!

Он провел так целую вечность, и все закончилось, лишь когда по другую сторону решетки появилась Анна Солари.

Живая. Здоровая. Невредимая. Злая, как дикая кошка.

– Как ты мог ему поверить? – возмущалась она. Анне не нужно было повышать голос, она никогда бы не сделала это в отделении полиции. Но ей хватало взгляда и правильной интонации, чтобы выразить все, что нужно. – Ты знал, кто он такой.

– Знал, – согласился Леон. – Поэтому я знал, на что он способен!

– Ты должен был проверить...

– Я пытался! Думаешь, я просто так тело искал, чтобы полюбоваться?!

Даже сейчас, когда все закончилось, говорить об этом было бесконечно сложно. Стресс отпускал – оставляя за собой чувство опустошенности. Но когда Анна наконец улыбнулась ему и протянула руку через решетку, чтобы коснуться его руки, стало легче.

– Я не виню тебя, – вздохнула она. – Мне следовало... Ладно, поговорим об этом позже. Сначала нужно вытащить тебя отсюда.

– Почему это звучит как целый квест? Какого хрена я вообще еще здесь, если я ничего не сделал?

Он понимал, что нет смысла сейчас рычать на нее и на окружающих. Но он был смущен – до него постепенно начинало доходить, как Юпитер обвел его вокруг пальца и какое удовольствие подонок, должно быть, получил от всего этого спектакля.

– Прости, Леон, но ты как раз «сделал». Ты избил пятерых полицейских. Трое из них взяли больничный.

– Нападение на сотрудников при исполнении, – проворчал он. – Мать их... Какие патрульные нынче нежные стали!

– Это не они нежные. Это ты, пардон, медведь, но все время забываешь об этом. Все будет хорошо, но не так быстро, как хотелось бы.

Она еще немного побыла с ним, а потом ушла. И вот тогда, когда ему не на что было отвлекаться, Леон был вынужден заново проанализировать ситуацию, вспомнить все, что произошло, во всех подробностях, и понять, как наивно и глупо он влип.

Первое и главное – не только он заметил увлеченность Юпитера Анной. Юпитер тоже все прекрасно понял. Привязанность – это слабость. Связь с другими людьми – это уязвимость. Любовь – не просто источник счастья, но и инструмент манипуляции. Вот на чем было построено нападение. Теперь уже Леон не понимал, как мог это просмотреть.

Дальше все было просто. После того, как Леон обошел Юпитера в расследовании, преступнику хотелось отомстить, но не объявляя при этом серьезной войны. И что он сделал? Он никого не убивал – не только Анну, вообще никого. Он просто взломал дверь квартиры Леона и залил там все свиной кровью.

Об этом Леон узнал позже, от следователей. Но тогда, в квартире, как он должен был определить, что кровь не человеческая? Да никак! Юпитер – уголовник со стажем, он прекрасно знает, как должно выглядеть место преступления. Когда тебе говорят, что самый дорогой для тебя человек мертв, и показывают кровавые разводы, сложно сохранить здравомыслие.

Понятно, что каждый реагирует на стресс по-разному. Но просчитать реакцию Леона было не так уж сложно, тут и гением быть не нужно. Все, включая Леона, знали, что характер у него вспыльчивый. С годами он научился контролировать это и использовать так, как ему выгодно, однако изменить собственную природу не мог. И тут он просто сорвался.

Сложно сказать, на что именно надеялся Юпитер. Возможно, он и вовсе обошелся без строгих расчетов и решил просто наблюдать, что будет. В худшем случае, Леона застрелили бы на месте. В лучшем – отпустили бы. Но Юпитер не хотел превращать все это в убийство, нет... Если бы он хотел убить, среди патрульных был бы его человек, который точно выстрелил бы, а потом оправдывался, что это была самооборона. Так что вся эта диверсия со свиной кровью была местью через унижение.

Эх, если бы ему удалось сдержаться... Тогда этот ублюдок подавился бы своим самодовольством! Если бы Леон смог спокойно осмотреть квартиру и убедиться, что трупа там нет, если бы спокойно поговорил с полицией, никто бы его не арестовал. Зачем, если он жертва? Он сам обвинил бы Юпитера в проникновении со взломом, пусть даже из хулиганских побуждений. Все, стрелки были бы переведены!

А он выкопал себе яму и благополучно плюхнулся в нее. Вот почему он злился. Вот почему вынужден был бить стены, чтобы хоть как-то выпустить переполнявшую его ярость. Ничего, с этим можно справиться, урок будет выучен... Ведь Анна жива! Облегчение, которое он почувствовал, узнав это, было сравнимо с горем, захлестнувшим его из-за лжи Юпитера.

Выпускать его на свободу никто не спешил, даже когда проверка показала, что он никого не убивал, а кровь в его квартире не человеческая. Он напал на полицейских – это всегда плохая история. Тут речь идет даже не о профессиональной солидарности, а о профессиональном братстве. Иначе и быть не может: полицейские должны были показать, что нападать на них вот так нельзя по многим причинам.

Его защитило только то, что сам он много лет проработал следователем, а с недавних пор начал помогать полиции как консультант. Иначе он бы не по стенам тут стучал, а от дубинок отбивался! Но его не тронули – и не отпустили. Ничья, компромисс.

Он мог бы ускорить свое освобождение: позвонить знакомым, позвонить брату. Но ничего из этого Леон делать не стал. Во-первых, он прекрасно знал, что от Димы поступит не только помощь, но и три ведра нотаций. «Ах, да как ты мог, ты совсем как наш отец, я же говорил, тебя нужно срочно лечить!» – и далее в таком духе. Как старая бабка... Нет уж, спасибо, в камере приятней!

Во-вторых, Леону требовалось время, чтобы привести мысли в порядок и усвоить урок, понять, что делать дальше. Тяжело, унижительно, но нужно. Погрузиться в свое поражение, как в холодную воду, и принять его, чтобы оно в будущем не стало слабостью. И когда Юпитер или кто-то другой напомним ему об этом, он не сорвется, не сломается и даже не отведет взгляд.

Этой ночью он не сомкнул глаз, зато утром чувствовал себя гораздо лучше. Слабости и сонливости не было, но это как раз нормально, ему двое суток не спать не впервой. Гораздо важнее для Леона было то, что злость улеглась. К черту Юпитера! Если мстить ему сейчас, это превратится в замкнутый круг. Леон был всерьез намерен забыть о нем, если этот огрызок к нему больше не полезет.

Утром его выпустили. Дежурный, отпиривший камеру, смотрел на него с опаской, словно ожидая, что Леон набросится на него – как дикое животное. Однако Леон покинул место временного заточения спокойно, он ни с кем не разговаривал, просто забрал свои вещи и ушел.

А у крыльца уже ожидала его она. Особенностью Анны Солари было то, что она почти всегда носила маску, невидимую и непонятную для окружающих. Сегодня она была его строгим адвокатом – в сером деловом костюме, изящных очках, с длинными черными волосами, зачесанными в хвост на затылке. В руках она держала портфель из темной кожи и смотрела на Леона с легким осуждением, как и полагается служителю закона смотреть на мелкого уголовника.

Обычно он ей подыгрывал. Леон прекрасно знал, почему она ведет себя так. Он понимал, что настоящей, не прячущейся за чужими образами и продуманными нарядами, она может быть только в своем подземном доме – рядом с ним. Он

ценил ее доверие и благодарил ее тем, что принимал ее маски. Вот и сейчас ему полагалось общаться с ней холодно и сухо, они все еще находились на виду, и за ними явно наблюдали.

Но он просто не смог. После того, что он пережил за последние сутки, ему нужно было не узнать, что она по-прежнему жива, а почувствовать это. Поэтому он подался вперед, подхватил ее на руки и поцеловал – так, как имел право только он, а Юпитер не мог и мечтать. Держать ее было несложно, Анна была намного меньше его. Она уронила портфельчик и, чтобы не упасть, обхватила Леона за шею обеими руками.

Она могла разозлиться. Не шумно, как разозлилась бы его бывшая жена, а сдержанно и холодно – но от этого было бы только хуже. Если бы она захотела, она бы вывернулась из его рук, как змея, и он никогда не сумел бы удержать ее. В других обстоятельствах Анна, возможно, так и поступила бы, потому что она терпеть не могла публичное проявление чувств.

Но не сегодня. Она знала его не хуже, чем он ее. Анна поняла, что он чувствует, и ответила на его поцелуй; он почувствовал, как она улыбается. Мир ненадолго стал ею – ее теплом, ароматом ее духов, отражением в ее глазах. Страх, оставшийся в душе после обмана Юпитера, наконец-то окончательно отступил и исчез навсегда.

– Не сдержался, – улыбнулся Леон, осторожно опуская ее на землю.

– Зато шоу устроил.

– Извини...

– Не страшно, – отмахнулась Анна. – Просто не буду появляться здесь больше в этом образе. Когда они увидят меня в следующий раз, они меня все равно не узнают. Так что пусть болтают.

Они прошли к ее машине, припаркованной за территорией участка. Это был небольшой серебристый внедорожник, которого Леон еще не видел. Но удивлен он не был, он и не следил, сколько там у нее машин.

– Так я свободен или в чем-то все-таки виновен? – полюбопытствовал он.

– Свободен, как птица, и в архивах эта история не останется.

– Ого! Как тебе удалось этого добиться?

Простой смертный на его месте отправился бы за решетку, тут без вариантов – пять полицейских в синяках! Леон же надеялся на штраф и условный срок. Но чтобы ничего, совсем ничего... Просто так это не бывает.

Анна и сама понимала, что не обманет его, она не стала притворяться.

– Тем юным джентльменам, которым ты наkostenял ни за что, хватило моральной компенсации в виде твоих суток за решеткой и материальной компенсации, которая уже переведена на их счет. Они готовы понять и простить.

– Ты заплатила им?

– Им следовало заплатить.

– Я знаю, – кивнул Леон. – Но я готов был сделать это сам! Позволь хотя бы вернуть тебе деньги.

– Нет.

– Аня!

– Я сказала – нет, – она бросила на него усталый взгляд. – Не только ты виноват перед ними. Я виновата перед тобой. Поэтому я и должна оплатить твои долги.

Вот теперь она действительно застала его врасплох.

– Ты – передо мной? А ты ничего не путаешь?

– Нет. Я знаю, как тебя провел Юпитер. Всего этого можно было избежать, если бы я была с тобой до конца откровенной.

– Он меня провел, потому что я повелся, как пацан, – досадливо поморщился Леон, отвернувшись к окну. – Ты здесь ни при чем. Чувствую себя, как щенок, который получил по морде свернутой газетой... Но я это запомню!

– Приятно, что ты открыт новым знаниям. И все же я должна тебе сказать... раз не сказала раньше. Юпитер поймал тебя на моей предполагаемой смерти. Если бы я поверила, что ты умер, я бы, возможно, отреагировала точно так же. Не знаю, да и знать не хочу! Но важно другое... Я не могу объяснить тебе все причины, поэтому, пожалуйста, просто прими это как абсолютную истину и никогда не сомневайся: Юпитер ни за что на свете меня не убьет. Этого тебе бояться не нужно, что бы он там ни говорил.

Леон снова посмотрел на нее, стараясь понять, шутит она или нет. Как можно утверждать такое, если речь идет об откровенном психопате?! Но нет, Анна, похоже, была уверена в каждом своем слове.

– Но ты же... Но вы же с ним... Вы не?..

Он не знал, как такое спросить. Он даже не знал, что именно хочет спросить! К счастью, Анна сумела понять его без слов.

– Нет, мы не любовники и не друзья. Все, что я сказала тебе, было чистой правдой: это мой враг, которого я бы с удовольствием никогда не видела до конца дней своих.

– И все равно ты абсолютно уверена, что он тебя не убьет?

– Да.

– Ты понимаешь, как дико это звучит?

– Поэтому я прошу тебя просто верить мне – и ничего больше.

Леон только кивнул, хотя и не был уверен, что она видит, она сейчас следила за дорогой. Ему не хотелось признавать, что в Юпитере может быть хоть что-то хорошее. Но принять, что он не причинит Анне вреда, было важно: это избавляло самого Леона от навязчивого страха.

Чтобы побыстрее миновать сложный момент в разговоре, он сменил тему:

– Значит, на этот раз моя криминальная карьера закончилась на выплате негласного штрафа?

– Почти. Штрафа было достаточно, чтобы тебя выпустили из клетки. Они все равно порывались нагадить тебе в личное дело. Но, к счастью, ты не единственный следователь, которого я знаю.

Это не было для Леона новостью, он знал, что Анна и раньше помогала полиции. Знакомых у нее было много, и он пока не успел разобраться в них. После того, как он узнал о ее связи с преступником международного класса, стоит ли удивляться знакомству с полицейским?

– Кого же я должен благодарить за свое спасение?

– Ты его не знаешь. Я вас при случае представлю.

– И что, этот добрый самаритянин согласился помочь мне, потому что вы с ним знакомы?

– Нет, конечно, – усмехнулась Анна. – Чистый капитализм даже в отношениях: он делает одолжение мне, я – ему.

– Та-а-ак... Что же он потребовал?

– Ничего такого, к чему я была бы не готова. Он сейчас ведет расследование, которое ему как кость поперек горла. Парень он смывленный, думаю, рано или поздно справился бы сам. Он это тоже знает – но хочет справиться поскорее, чтобы избежать новых жертв. Он ловит убийцу.

– А мы поможем ему в расследовании? – предположил Леон.

– Не мы. Только я.

– Почему это? Что, я проштрафился и отстранен от работы?

– Глупостей не говори. Просто там расследование не слишком сложное – не такое, как наши предыдущие. Ничего серьезного или опасного, поэтому я справлюсь сама. Думаю, закончу очень быстро, и вся эта история будет забыта.

* * *

Девушка, которая сидела перед ним, была красивой, молодой и жизнерадостной. Как раз в его вкусе. По крайней мере, раньше Ярослав выбирал именно таких, поэтому справедливо было сказать, что она в его вкусе. Он понимал, что должен быть очарован ею, однако никакого очарования не чувствовал.

Их объединило мобильное приложение, предназначенное для быстрых свиданий, и теперь Ярослав увидел свою собеседницу впервые. Он не был разочарован: она оказалась из тех, кто выкладывает в сеть настоящие фотографии, полностью соответствующие реальности. У дверей ресторана его встречала невысокая, очаровательно пухленькая блондинка с шикарной грудью, белоснежной улыбкой и искристыми васильковыми глазами – Ярослав оценивал ее достоинства именно в таком порядке.

Она была хороша не только внешне. Она искрилась прекрасным настроением, с готовностью рассказывала о себе, но не забывала и о нем, то и дело задавая вполне подходящие для первого свидания вопросы. Она кокетничала, но не строила из себя недотрогу и непрозрачно намекала, что готова после ужина поехать с ним, если он ей предложит. Он тоже ей понравился. У них все должно было получиться, обстоятельства складывались идеально!

Вот только Ярослав уже знал, что не получится, и это напрягало его. Он пытался понять, почему, его мысли снова и снова возвращались к одному раздражающему вопросу. Ему потребовалось сосредоточить все усилия на том, чтобы слушать ее болтовню и вовремя кивать. Перед ним сидела замечательная девушка, вроде как идеальная для него, а он не хотел с ней связываться.

Почему?

Он не был одинок? Как раз был – и в последнее время он начал чувствовать это особенно остро. Это раньше ему казалось, что в его доме и его жизни нет постоянного места для женщины. Постоянная спутница жизни – это же так скучно! Пусть другие отказываются от разнообразия, а в его судьбе будет вечный карнавал! Но годы шли, и он понял, что это не так уж здорово, как казалось ему раньше. Он недавно чуть не погиб... И шрам на руке, пока еще болезненный, служил лучшим напоминанием об этом. Ярослав никому не рассказывал о кошмарах, мучавших его с тех пор. Да и кому рассказать? С родней он общался мало. В психотерапевтов не верил, считая их всех шарлатанами. Обсудить это с Леоном он не мог – бабьи разговоры какие-то! Если бы была женщина, которой он доверял, если бы кто-то засыпал рядом с ним каждую ночь... Может, и кошмары отступили бы безо всяких обсуждений?

Поэтому он скачал мобильное приложение. Но это оказался не лучший способ поправить свою личную жизнь.

Может, ему просто нужно что-то другое, не то, что раньше? Идеалы тоже меняются. И теперь, глядя на улыбчивую красавицу, готовую провести с ним ночь, Ярослав с удивлением понимал, что ему больше не нужна такая легкость. А нужно...

Что ж, пора признать это. Ему нужно было то, что принадлежало Леону. Ему нужна была Анна.

Конечно же, он не был влюблен в Анну Солари – даже близок к этому не был. Он толком и не знал ее! Хотя то, что он знал о ней, его восхищало. Но никакого притяжения именно к ней он не чувствовал, тут его лучший друг мог оставаться спокоен. Скорее, Ярославу хотелось таких отношений, которые Анна принесла в жизнь Леона. Это было какое-то особое доверие, единство интересов, единство мыслей, и все это – при очевидном сексуальном притяжении, которое эти двое, кажется, заметили позже, чем все остальные!

Они хотели друг друга ночью и не уставали друг от друга днем. Вот, пожалуй, лучшее определение того, что стремился получить теперь Ярослав. Ему нужна была своя собственная Анна, но сейчас перед ним сидела не она. Это было ясно хотя бы потому, что он никак не мог вспомнить ее имя.

Когда ужин был закончен, белокурая красавица выдала самую очаровательную из своих улыбок.

– Знаешь, я бы пригласила тебя на кофе, но только теперь вспомнила, что у меня дома он закончился... Может, у тебя есть?

Ему следовало сказать нет. Прямо сейчас, быть с ней честным – ведь он уже знал, что ничего серьезного между ними не будет. И когда Ярослав уже решился на это, он с легким удивлением услышал собственный голос:

– Да, можем поехать прямо сейчас, я на машине. Если у тебя нет никаких других планов...

– Совершенно никаких, – многозначительно заявила она. – Ни на вечер, ни на эту ночь.

Глупо, как же глупо... А может, он слишком много думает об этом? Кто сказал, что ей нужно что-то серьезное? Что она будет разочарована, когда они расстанутся? Она и сама должна понимать правила игры!

Ярослав решил, что сегодня все-таки не лучшее время для серьезных разговоров и мыслей о вечной любви. Пусть этой ночью будет она – неплохо, если она еще раз упомянет свое имя, а то как-то неловко... Но и так сойдет.

Он больше ни в чем не сомневался, когда уводил ее из ресторана. Да и она, обхватившая обеими руками его руку, казалась вполне счастливой. Ярослав думал о том, что этой ночью кошмаров точно не будет, и его все устраивало.

А потом они добрались до машины и оба застыли в немом удивлении.

Дорогой черный внедорожник был разгромлен. Все четыре колеса проколоты и спущены, окна разбиты, идеальная полировка покрыта глубокими царапинами. Причем сделали это быстро, иначе кто-то заметил бы! Но не было ни скандала, ни предупреждения. Кто-то пришел, испоганил машину Ярослава и скрылся незамеченным.

Слишком хорошо устроено для обыкновенных вандалов. В этом читалось мастерство, а в мастерстве – предупреждение, которое Ярославу, с учетом недавних событий, совсем не понравилось.

– По-моему, кофе не будет, – тихо сказала блондинка. – Сочувствую.

– Кофе точно не будет, извини. Я вызову тебе такси. А мне, боюсь, придется задержаться.

* * *

Антон Павлович Чеховский не возражал бы, если бы ему дали прозвище «Чехов». Он даже надеялся на это, потому что не видел в таком прозвище ничего плохого, зато находил повод для гордости. Но, увы, при всех благоприятных обстоятельствах, не сложилось. Еще в школьные годы к нему приклеилось прозвище «Чихуша», которое, как репейник, умудрилось прокатиться на нем и в студенческую юность, и в годы службы в полиции.

Конечно, в лицо его так никто не называл. Но за спиной то и дело шептались, а он делал вид, что не слышит. Не потому, что был слабохарактерным и не умел постоять за себя. Напротив, если Антон Чеховский чего-то хотел, он находил способ этого добиться. И все же ключевое слово тут «хотел», а к Чихушие он почти привык.

Все дело в том, что он давно уже научился здраво оценивать и себя, и окружающих. Антон понял: пусть лучше его недооценивают. Тогда при нем будут терять бдительность. Люди часто не соображают, как много лишнего они говорят перед теми, кого не считают достойными уважения.

А Антон Павлович был существом неприметным – типичный Чихуша, что уж там. Он вырос невысоким, метр шестьдесят восемь, и любил вкусно поесть, что обеспечило его предсказуемо пухлой фигурой – среди известных персонажей он был скорее Колобком, чем Аполлоном. В свои неполные сорок лет он уже начал лысеть, отличался мягкими чертами лица, круглыми хомячьими щеками и водянистыми глазами. Он говорил тихо и почти никогда не повышал голос. Многие считали, что он так долго служит в полиции и даже получает повышение за повышением лишь потому, что он – чей-то родственник, которого пристроили

на сытое место и забыли.

Но те, кто с ним работал, быстро избавлялись от заблуждений. Они-то знали, что за свою долгую карьеру Чихуша раскрыл столько дел, сколько им и не снилось. Он, мягкий, рыхлый, вроде как нерешительный, не боялся ни убийц, ни маньяков, ни откровенных психов. Да, он обладал физической подготовкой плюшевого мишки. Зато стрелял лучше иного снайпера и никогда не лез на рожон. Поэтому он не стремился никому ничего доказать, он был лишен комплексов и вполне доволен своим местом в мире.

Он прекрасно знал, что умен, и это не было попыткой польстить самому себе или компенсировать некоторые свои недостатки. Поэтому со многими делами Антон справлялся сам, однако и не стеснялся попросить о помощи, если было нужно.

Другое дело, что помощь он принимал только от тех, кого считал умнее себя, а таких было немного. Но Анна Со лари стала приятным исключением.

Он познакомился с ней лет пять назад. Тогда шла охота на настоящего психопата, и Антон входил в группу следователей, которым поручили это дело. Он до сих пор помнил, как она протянула ему руку, посмотрела ему в глаза – и мгновенно раскусила. Ей хватило одного взгляда, чтобы понять, кто он такой, что собой представляет, на что способен. В том деле он считался всего лишь младшим следователем. Она добилась того, чтобы именно он назвал имя маньяка и получил крупное повышение.

Сделано это было не просто так – но и не из чистой корысти. С одной стороны, они с Анной симпатизировали друг другу, и Антон не сомневался, что она и правда желает ему добра. С другой, она быстро сообразила, что он далеко пойдет и ей не повредит такой человек в полиции. Сама же она ничего не теряла: ей не нужна была профессиональная слава, следующая за разоблачением маньяка, Анна предпочитала оставаться в тени.

С тех пор они продолжали общаться, хотя виделись не слишком часто... Да что там говорить, редко! Горе от ума. Анна всегда была при деле. Антон сам разбирался с порученными ему расследованиями, не было смысла привлекать консультанта. Если они и пересекались, то чаще – случайно, сидели за чашечкой кофе и расходились по своим делам.

Он знал, что недавно у Анны были проблемы. Именно он помог ей инсценировать смерть собственного мужа и наладить контакт с полицией. Это было сложное дело, и Антону потребовалось немало усилий, чтобы все организовать. Но он не считал это одолжением Анне: он видел, что она права и это – единственный способ восстановить справедливость. Так что разошлись они без каких-либо долгов.

А вот потом Анна попросила его об одолжении, и у этой просьбы не было никаких иных толкований.

О том, что она связана с бывшим следователем Леонидом Аграновским, он знал. Анна не отчитывалась ему, но Антон не был бы таким хорошим сыщиком, если бы не сумел это заметить. С самим Леонидом он знаком не был, не доводилось пересекаться. Зато поверхностно знал его старшего брата Дмитрия – отличный профи и редкий зануда по жизни.

Леонид ему нравился куда меньше. Дело было не в ревности – Антон как раз не ревновал. Он, так уж вышло, был существом разума, а не чувств. Встретив Анну, он здраво оценил свои шансы на отношения с ней, пришел к выводу, что это не нужно ни одному из них, и больше к этой теме не возвращался.

Анна была его приятельницей, и то, что у нее должны быть романтические отношения с кем-то, он воспринимал как данность. Он ни на секунду не поверил, что она влюблена в своего фиктивного мужа, в того музыканта, Яна. Так же быстро он распознал, что Аграновский как раз важен для нее именно в этой роли. Возможно, Антон понял это раньше, чем сама Анна.

Он был разочарован ее выбором. Леонид Аграновский показался ему типичным тупым качком. Понятно, что на таких красавчиков с голубыми глазами да с черными волосами обычно засматриваются, именно эту породу помещают на обложки журналов, с их смазливymi мордашками снимают рекламу. Но разве Анне должно нравиться такое? Разве она может быть так предсказуема? Если ей нужна груда мышц в постели, она могла выбрать кого-то менее проблемного, чем Аграновский.

Но Антон быстро вспомнил, какое первое впечатление производит он сам, и начал разбираться в ситуации. Как и следовало ожидать, Леонид оказался не так уж прост. Неприятно, конечно, признавать, однако в его случае за смазливой

мордашкой скрывался внушающий уважение ум. Самым большим недостатком бывшего следователя, пожалуй, был буйный характер, который в сочетании со значительной физической силой должен был рано или поздно довести его до беды. Но раз Анна подпустила его к себе, значит, он того стоит.

Предсказание Антона все-таки сбылось: Аграновский вляпался в неприятности. Вот тогда Анна и попросила старого приятеля об одолжении.

Услуга была плевая и легко выполняемая. Если бы Аграновский совершил серьезное преступление, Антон не стал бы прикрывать его ни при каких обстоятельствах. Но то, что он начистил пятаки паре-тройке патрульных – так себе грешок. Поэтому Антон вмешался, а когда Анна сказала, что за ней должок, не стал тянуть с просьбой.

– Я и без всей этой суматохи с Аграновским подумывал к тебе обратиться, – признал Антон.

– Почему это?

– Потому что у меня тут, кажется, намечается маньяк. В зародыше.

Изначально Антон расследовал дело об убийстве. Молодая девушка была изнасилована и задушена – печальная участь, но не единичный случай. Однако вскоре Антону удалось выяснить, что она – не первая жертва. Просто первой удалось спастись, ее изнасиловали и избили, но она сумела выжить. Наметилась серия, и Антон подозревал, что третья жертва – просто вопрос времени.

Это был не самый умный и хитрый преступник из всех, что ему встречались, и Антон не сомневался, что поймает его. Но он боялся, что не успеет сделать это до появления третьей жертвы. Нужно было ускорить процесс, и вот тут на горизонте появилась Анна Солари со своими долгами.

– Он выбирает жертв не случайно, – сообщил Антон. – Выжившая девушка сразу сказала нам, что знала его. Она познакомилась с ним в интернете, общалась несколько месяцев. Поэтому, когда он пригласил ее на свидание, она согласилась. Проверка компьютера погибшей показала, что у нее была такая же история. Он действовал так уверенно, потому что девушки сами приходили, куда ему нужно. Естественно, оба аккаунта, с которых он общался с жертвами,

оказались липовыми.

Своих жертв неизвестный насиловал с особой жестокостью, такой секс не от каждой проститутки получить можно даже за очень большие деньги. Поэтому Антон не сомневался, что преступник не остановится. Он уже вошел во вкус, получил удовольствие, от которого не откажется. Он знает, что полиция ищет его, но знает и то, что удачно замел следы.

Анна сразу же согласилась помочь. Антон ожидал, что она займется компьютерами, применит какие-нибудь хакерские штучки – он слабо представлял, как именно она работает. Но она поступила иначе. Она проанализировала всю переписку преступника с жертвами и вывела типичные для него обороты речи, ключевые слова, позволяющие понять, что за очередной украденной у кого-то фотографией скрывается именно он. Только после этого она начала поиск профилей, которые тоже могли принадлежать ему, в соцсетях.

– У него уже сформировался собственный *modus operandi*, – обыденно пояснила она. – Если схема работает и позволяет ему остаться на свободе, то зачем менять схему? Он отбрасывает ненужные профили, как ящерица – хвост, и просто начинает использовать новые. Так он может изучить жертву, заполучить ее доверие, узнать, где и как ее лучше подкараулить.

– Это все понятно, – кивнул Антон. – Но даже если мы найдем его профиль, это все равно будет «утка», у нас таких уже две.

– Не профиль, а профили.

– Это что-то меняет?

– Плюс-минус всё. Современные девушки ведь тоже не идиотки, не уподобляйся некоторым операм, считающим, что «дура виновата сама».

– А вот это уже обидно.

– Я не говорю, что ты такой, но не уподобляйся. Когда кто-то предлагает им переписку, девушки идут и смотрят профиль. Если видно, что профиль сляпан на коленке день назад, появляется недоверие. Но вот какое дело... Наш неведомый

сталкер умнее, каждый свой профиль он готовил минимум несколько месяцев. Он приобретал реальных друзей, публиковал оригинальный контент. Глядя на его страницу, легко было поверить, что это настоящий человек – не мошенник и не бот. Вот они и верили. Он крал чужие фото, но не показательно красивых мальчиков-моделей, а обычных симпатичных парней. Жертвы в него влюблялись, в современном мире разница между реальным и виртуальным общением размыта.

– Получается, если ему нужны новые профили, такие же качественные, он занимается ими прямо сейчас? – догадался Антон.

– Вот именно. Он умен и внимателен к деталям, ему нужно вести несколько профилей одновременно, чтобы получать жертву хотя бы раз в пару месяцев. Я найду его клонов, а если повезет, то найду и оригинальный профиль.

– Думаешь, у него есть?

– А у кого сейчас нет?

Насчет «если повезет» – это она кокетничала. Они оба знали, что Анна справится. Антон не знал второго консультанта, которому удалось бы добиться такого же уважения полиции, а это дорого стоит. Ее ум ценили так высоко, что принимали все ее чудачества – от относительно юного возраста до постоянной смены внешности.

Это дело отняло у нее несколько недель, преступник оказался хитрее, чем они ожидали. Но когда Анна пришла к нему в кабинет в следующий раз, у нее уже был ответ.

– Артур Мотылев, двадцать один год, – отчиталась она. – Был студентом, но отчислен за пропуски. Не особо печалился по этому поводу, потому что вместе с приятелем уже основал собственную компанию, занимающуюся маркетингом и – внимание! – рекламой в соцсетях.

– То есть, это его территория и наличие у него десятков профилей никого не смущало? – невесело усмехнулся Антон.

– В точку. На работе характеризуется исключительно как ангел – но нужно помнить, что характеризует его друг. С места учебы, впрочем, тоже сплошные плюсы. Хоть ему и дали под зад ногой, преступником его там никто не считает. Тихий, вежливый, не выпендривался, не нарывался. Просто перестал приходить – возможно, он и сам не собирался возвращаться. Не женат, девушки тоже нет, и даже его друг не может сказать, были ли у него когда-либо отношения.

Возможно, что и не было. Если традиционный секс его совсем не привлекает, он сразу сосредоточился на будущих жертвах. Вероятно, цели убить у него не было... Однако его не расстроило то, что это случилось. Первая жертва упоминала, что он и ее душил. Вторую душил чуть сильнее – и перестарался. Судьба третьей могла бы сложиться точно так же.

Вот поэтому Антон и не собирался допускать третью жертву.

Ему ничего не стоило получить ордер на задержание Артура Мотылева и обыск его квартиры.

Но с задержанием как раз не задалось: никто не знал, где сейчас Мотылев. Он уже несколько дней не появлялся на работе, отключил телефон, ни с кем не разговаривал. Антон подозревал, что виной всему характеристики, которые он запросил. Мотылев узнал, что его разыскивают, и запаниковал. Он-то прекрасно знал, что натворил!

Следователь не считал это большой проблемой. Артур Мотылев не из тех, кто срысывается и атакует всех подряд. Он был уверен, что неуловим, а значит, ненаказуем! Он – не матерый преступник, он не слишком силен физически, он скоро попадется.

Зато обыск его квартиры дал дополнительные основания для ареста. Дома у Мотылева обнаружилась внушительная коллекция садистского порно и фотографии обеих жертв – правда, прижизненные. Но теперь он вряд ли сможет заявить, что никогда не знал их.

Отследить его не составило труда. Антон проверил всю недвижимость, связанную с Мотылевым и его родственниками. Так он и выяснил, что после смерти бабки преступнику достался старый деревенский дом. Лачуга без удобств, вполне подходящая для того, чтобы затаиться там. Антон поручил

местному участковому провести осторожную проверку и скоро убедился, что Мотылев действительно поселился в деревне. Он выглядит уставшим, болезненным и запуганным, скорее всего, он уже готов быть пойманным, хотя вряд ли сам понимает это.

Тем не менее, в деревню все равно отправилась полноценная группа захвата. Антон сопровождал их, а заодно позвал с собой Анну Солари, решив, что она тоже имеет право понаблюдать за логичным финалом своих трудов.

– Зачем тут вся армия Лихтенштейна? – удивилась она. – Мотылев не будет сопротивляться, гарантирую. Он способен только на жестокость к женщинам, перед вооруженными мужиками он свернется в позу зародыша и будет тихо плакать. Возможно, обгадится. Чтобы задержать его, хватило бы меня и тебя, я могла бы позвать Леона.

– Хватило бы, – согласился Антон. – Но ни ты, ни я не любим оперативную работу, а твоему универсальному солдату пока лучше держаться подальше от полиции. Да и вообще, людям деньги платят за бег с автоматами, ты чего на чужой хлеб заришься?

– Тут ты прав. Ладно, пусть берут твоего маньяка. Без шуток, ты вовремя его прищемил. Он – парень с мозгами, в будущем мог стать большой проблемой.

– Уже не станет.

Появление в деревне служебных машин напугало местных. Нужно было действовать быстро, пока Артур Мотылев в истерике не ломанул в леса. Тогда его все равно бы схватили, но кому нужна эта суета? Поэтому отряд сразу ворвался в дом, пока Антон и Анна дожидались у забора.

Ни одного выстрела не прозвучало, все прошло очень быстро, как и ожидал Антон. Он уже думал, что можно ставить точку, когда к нему подошел глава оперативной группы. Вид у полицейского был настороженный, почти испуганный – а это говорило о многом, ведь профессионала такого уровня напугать нелегко.

– Антон Павлович, вам нужно это видеть.

– Что там такое?

– Да там... Чертовщина, по-другому это не назовешь!

И Антон отправился смотреть на чертовщину, хотя не был уверен, что готов это увидеть.

Дом определенно не использовался после смерти предыдущих владельцев. Это было типично стариковское жилище, которое никогда не прельстило бы Артура Мотылева, если бы не заставила нужда. Сначала он спрятался там, среди обшарпанной мебели и пыльного тряпья, а потом там же и погиб.

Вернее, был казнен.

Его подвесили на массивную потолочную балку, руки при этом не связали вместе, а развели в разные стороны, чтобы открывался лучший доступ к телу. Мотылев был раздет, поэтому полиции оказалось несложно рассмотреть целую россыпь ран, покрывавших его тело. Но самое большое впечатление на Антона произвели его лицо и шея, хотя он и не показал этого, он не собирался проявлять хоть какие-то эмоции при оперативниках – только так ему удавалось сохранять их уважение.

Смерть Мотылева была не из легких. Его лицо покраснело и опухло, глаза уже помутнели, они застыли навывкате и покрылись кровавыми прожилками, из разбитого носа текла кровь, рот и подбородок покрывали следы алой пены. Его горло сильно деформировалось, а так произойти могло лишь по одной причине: ему что-то с силой запихали в глотку. Что-то большое, теперь проглядывавшее светлым пятном между его окровавленных губ.

Если бы рядом с Антоном сейчас была другая женщина, пусть даже и следовательница, она бы уже выбежала из комнаты. В темном помещении было душно, пахло подгнившей кровью и рвотой – похоже, Мотылев умер не меньше суток назад. Да и вид его тела заставлял даже выдавших всякое оперативников отвести взгляд.

Но Анна и бровью не повела, она смотрела на труп с холодным спокойствием профессионала, оценивающего ситуацию.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание. Антон терпеть не мог, когда его заставляли врасплох, и всеми силами старался избегать таких ситуаций. Но тут по-другому уже не получилось бы, и теперь он силился понять хоть что-то. Он управляет этой операцией, он должен направлять других! Но он был так уверен, что это – законченное расследование с предсказуемым финалом, что теперь даже не знал, за что взяться.

Подсказку дала Анна:

– Вызывай криминалистов, работы им здесь хватит. Ты не знаешь, что ему в рот засунули? Кажется, какая-то тряпка.

Антон присмотрелся к заляпанному кровью куску ткани внимательней и кивнул:

– Да, похоже на то. Не рискну ничего утверждать раньше времени, но предположу, что это женский шейный платок.

Глава 2

Акку Ядав

Анна никогда не призналась бы в этом, но она видела ситуацию, созданную Юпитером, по-своему. Не так, как Леон. Начать хотя бы с того, что она не считала это настоящей местью. Жестокая шутка – да, может быть, но не месть, потому что реального вреда все равно бы не было. Вскрытая дверь, свиная кровь на полу – нет, это не ударило бы по репутации Леона.

В глубине души она была даже благодарна Юпитеру. Своей идиотской выходкой он показал и ей, и Леону слабые стороны, по которым кто-то однажды мог ударить. Леон уже не забудет это, в следующий раз он поведет себя умнее. Анна не исключала, что именно этого и добивался Юпитер – даже если кажется, что глупо ожидать такой подход со стороны преступника. Но он ведь не типичный уголовник, у него свои представления о чести и достоинстве. Да, Леон его обошел – так ведь он всегда уважал сильных противников. Возможно, он с самого начала хотел помочь Леону, указать на уязвимость, способную стать

фатальной.

Она это заметила и запомнила, а вот говорить Леону не собиралась. Для него Юпитер – что красная тряпка для быка. Он не сможет понять ее слова правильно, наверняка обидится. Потом он простит ее, потому что прощение – неизбежный налог на любовь. И все же Анне не хотелось вот так злоупотреблять его чувствами, осознанно причинять боль единственному человеку, которого она впустила в свой дом и свою жизнь. Для себя она решила, что главный урок он все равно получил, так или иначе. А Юпитер сам по себе не важен, ему лучше исчезнуть.

За исключением этой досадной неприятности, у них все шло хорошо, лучше, чем она ожидала. Решаться на такие отношения всегда страшно, а уж кому-то с ее прошлым – тем более. Но теперь Анна уже ни в чем не сомневалась, она точно знала, что поступила правильно.

Дело было не только в том, что жить с кем-то банально удобней, или в том, что Леон оказался лучшим любовником, чем все ее предыдущие партнеры вместе взятые, это была только верхушка айсберга. Главное преимущество Анна видела в том, что он понял и принял ее. Он никогда не пытался отчитывать ее за то, что она выбрала странную профессию. Он не считал ее сумасшедшей из-за того, что она изучала психологию серийных убийц. Он принял ее даже на самом примитивном уровне: он смотрел на ее тело, навсегда расчерченное темными шрамами, и Анна точно знала, что он любит ее. Ему не требовалось усилие воли, чтобы не отводить взгляд и осознанно не обижать ее. Он и правда не видел в этих шрамах ничего особенного, они были для него лишь одной из частей ее, фрагментом, составляющим единый образ.

Он понимал, что встретил ее уже взрослой женщиной с пусть и странной, но состоявшейся судьбой. Он не пытался изменить ее, его просто все устраивало.

Конечно, верно было и обратное: Анна не находила в нем ничего такого, что ей хотелось бы переделать. Но она не видела в этом особого достижения, ей казалось, что нет в мире ничего естественней. Она просто не искала единой нормы, она давно уже усвоила, что человек складывается из слишком многих элементов, чтобы пытаться разобраться в этом хаосе. Может, для кого-то и было бы важно, что отец Леона – серийный убийца, что сам Леон не всегда контролирует свои эмоции, что он способен на убийство... Она об этом даже не раздумывала.

Сейчас она лежала рядом с ним, спящим, смотрела на него и чувствовала только спокойное удовлетворение – и физическое, и моральное. Рядом с ней тот, кто должен быть, о чем тут еще рассуждать?

Да и потом, она не привыкла тратить время на пустые философствования. Ее разум был устроен так, что оставаться в покое он мог не слишком долго. А потом сознание само тянулось к головоломкам, которыми Анна наполняла свою жизнь.

Сейчас головоломка была только одна: дело Артура Мотылева. Это расследование ее больше не касалось, и Анна имела полное право его отпустить. Но так не получалось, она чувствовала: здесь скрыто нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

Она бросила беглый взгляд на часы, стоящие на тумбочке, и обнаружила, что еще нет и шести утра. Это ее не удивило: в последнее время ее жизнь стала спокойной, она не уставала, поэтому и спала немного. У Леона все иначе, ему сейчас нужно было отдохнуть. И она, проснувшись, сначала не собиралась двигаться с места, она просто лежала и наблюдала за ним – не как за мужчиной, с которым разделяла постель, а просто как за красивым человеком, почти как за произведением искусства.

«Мы с тобой – прекрасные создания...» – вдруг мелькнуло в памяти. Голос был ее, слова – знакомые, но произнесла она их очень давно, по отношению к совсем другому человеку. Они разрушили спокойный момент, как болезненная судорога, стерли улыбку с лица Анны. Она не могла больше притворяться сонной, да и искреннее умиротворение не вернешь. Раз уж настроение испорчено, можно снова подумать о головоломке, но делать это в постели рядом с Леоном никак не хотелось. С тех пор, как она позволила ему оставаться в своей спальне, это было место отдыха, а для размышлений о преступлениях у нее был кабинет.

Анна осторожно выскользнула из-под одеяла, натянула свободное платье-майку, лежавшее на полу еще со вчерашнего вечера, и тихо покинула спальню, прикрыв за собой дверь. В ее подземном жилище была отличная звукоизоляция, и она знала, что не мешает Леону. Так что его присутствие здесь несколько не мешало ей жить той жизнью, что была до него.

Как только она вышла из спальни, все ее внимание переключилось на расследование. Перед глазами снова был подвешенный к потолку труп Артура

Мотылева – не как сцена из ночного кошмара, а как улика, след преступления. Это казнь, тут и сомневаться не стоит... А вот когда речь зашла о мотивах, их со следователем мнения разделились.

Антон Чеховский считал, что это месть, и не без оснований. Двух девушек изнасиловали с особой жестокостью, можно сказать, пытали. Одна из них погибла. Есть все основания для мести!

Анна не могла избавиться от ощущения, что что-то здесь нечисто. Месть такого рода предполагает хаотичное нападение – даже если отстраниться от того, что Мотылева кто-то умудрился отыскать раньше полиции. В том, как его убили, чувствовалась умелая рука. Там еще и не было серьезных улик! Не слишком ли успешный результат для стихийного мстителя?

Анна не исключала, что Чеховский прав, она считала его одним из самых сообразительных следователей, работающих сегодня в полиции. И все же ей нужно было проверить все самой. Для этого она получила у Антона копии всех материалов, которые уже были у полиции по этому делу.

Ей нужно было выяснить, кто отомстил Мотылеву. Родственник жертвы? Знакомый самого Мотылева? А может, жертва? Такое тоже бывает. В большинстве своем, насильники умеют выбирать жертв послабее, тех, кто не будет серьезно сопротивляться – и кто будет слишком подавлен морально, чтобы преследовать преступника. Но бывают и проколы, если женщину довести до отчаяния, она способна на все. Особенно когда понимает, что ей в этой беде никто не поможет.

Память услужливо подбросила историю Акку Ядава. Анна изучала преимущественно дела маньяков, ей это нужно было для работы. Среди остальных преступлений ее внимание могли привлечь разве что самые громкие и кощунственные, и дело Акку Ядава определенно входило в их число, когда речь заходила об изнасилованиях.

Акку Ядав жил в индийской провинции на рубеже веков. Причем жил он, ни в чем себе не отказывая: он регулярно нападал на молодых женщин и насиловал их. Он особо не скрывался, и его жертвы пытались его обвинить. Но полиция отказывалась им помогать, потому что на Ядава жаловались женщины из самых бедных районов, из трущоб, полуграмотные, нерешительные, никому не нужные.

Они и без того были подавлены случившимся, а те, кто обязан был им помочь, заводили старую песню.

Ты виновата сама.

Может быть, ты втайне хотела этого?

Ты вела себя так, что он выбрал именно тебя. Почему это случилось с тобой, а не с другими? Ты его спровоцировала!

Ты не так одеваешься, не так ходишь, не так на него посмотрела.

Сама виновата.

Сама.

Ситуация сложилась парадоксальная: все знали о преступлениях, все знали преступника, но жертв у него становилось все больше. Дошло до того, что Акку Ядав, поверив в свою безнаказанность, напрямую называл изнасилованных женщин шлюхами и не скрывал, как обошелся с ними.

Лишь один раз его удалось затащить в суд, но и тогда многие не сомневались, что он выйдет сухим из воды. Акку Ядав, по крайней мере, на это надеялся. Но неожиданно здание суда захлестнула толпа, состоящая только из женщин. Более двухсот жертв изнасилований объединились, чтобы отомстить своему мучителю. Полиция, не ожидавшая ничего подобного, только и могла, что испуганно отступить в сторону. Расправа отняла всего пятнадцать минут, после чего толпа отступила, растворилась, будто и не было ее никогда. А на мраморном полу суда, там, где стоял насильник, остались лишь бесформенные окровавленные останки.

Так что жертва, доведенная до отчаяния, способна на многое, и не важно, насколько она слаба. Артур Мотылев сделал достаточно, чтобы спровоцировать кого-то. Но кого? Одна жертва умерла, она уже никому не отомстит. Анна внимательно изучила дело второй девушки, собрала все данные, что были, однако пришла к выводу, что и она не смогла бы отомстить. Речь шла о робкой, скромной молодой женщине, которая, к тому же, не оправилась до конца от

травм, нанесенных ей насильником. А Мотылев, пусть и не крупный, все равно был взрослым мужчиной, поднять его к потолку – та еще задача.

В следующие часы Анна старалась выяснить все, что только можно. Круг общения жертв и их родственники. Любимые места. Связь со спортивными клубами, сообществами, даже религиозными общинами. Все, что угодно! Она не ставила целью опровергнуть версию Антона, ей просто хотелось докопаться до правды.

Анна не ограничилась файлами полиции, многое она обнаружила сама. Вот только это ни к чему не привело: никто в окружении жертв не мог стать убийцей Артура Мотылева. Речь ведь не только о самой казни – хотя уже это способно стать вызовом для обычного человека, не имеющего склонности к насилию. Для начала преступника нужно было найти, причем быстрее, чем Анна и Антон Чеховский. Не сходится, слишком все четко...

Она увлеклась работой и вспомнила о внешнем мире, только когда в дверь кабинета постучали. Анна не запиралась, и Леон мог войти когда угодно, но он по опыту знал, что внезапное появление может ее напугать.

– Заходи, – позволила Анна. – Уже проснулся?

Он заглянул в кабинет, и она обнаружила, что Леон успел сходить в душ и одеться.

– Проснулся, – кивнул он. – А еще приготовил нам завтрак, на который теперь действительно тебя приглашаю.

– Ты? Приготовил завтрак?

– Ну да, невелико достижение. Понимаю, случай с Юпитером подорвал веру в мои интеллектуальные способности, но пользоваться тостером и кофемашиной я еще умею!

Анна умела готовить, но относилась к этому скорее как к искусству, чем к каждодневной необходимости. Если она, увлекшись работой, забывала обо всем, она вполне могла провести сутки с пустым холодильником. С тех пор, как в доме

поселился Леон, продукты мистическим образом не иссякали.

Готовил он не постоянно – реже, чем она. Но он умел, и запахи, разносившиеся по всему дому, теперь доказывали это.

– Твои кулинарные способности я под сомнение не ставлю, – улыбнулась Анна. – Я просто подумала: а не рано ли для завтрака?

– Рано? Сколько, по-твоему, сейчас времени?

– Часов восемь, наверно...

– Полдесятого.

Она удивленно уставилась на него, а Леон лишь рассмеялся. Прежде, чем она успела посмотреть на часы и убедиться, что уже и правда прошло столько времени, Леон подошел ближе и подхватил ее на руки. Это уже начинало входить у него в привычку, но пока Анна решила не протестовать, ее это забавляло. Она терпеть не могла, когда до нее дотрагиваются посторонние, так ведь он же не посторонний.

Леон перенес ее на кухню с таким серьезным видом, будто просто работал в службе доставки – никаких объятий, никаких попыток поцеловать. Он опустил ее на пол на кухне и отошел к своему месту за столом.

– Боюсь даже спросить, чем ты занята с таким религиозным фанатизмом... А, нет, не боюсь: чем ты занята? – поинтересовался он.

– Дело насильника.

– Который повешенный?

– Который – он самый.

И это тоже было чем-то принципиально новым: Леон знал все ее расследования, а она знала, чем занимается он. Дело было не в простом желании поговорить хоть о чем-то, лишь бы тишину не терпеть, Анна действительно ценила его

мнение.

Вот и теперь она могла свободно рассказать ему о своих сомнениях. Леон выслушал ее, ни словом, ни взглядом не намекнув, что ей не следовало бы лезть в дела полиции, раз ее об этом не просили. Когда она закончила, он сразу заявил:

– Я б на твоём месте вообще не стал тратить время на версию со мстителем!

– Почему это?

– Потому что этим точно будет заниматься следователь, а он, насколько я понял с твоих слов, вполне адекватный. Чтобы тебе проще было работать, сразу предположи, что верна вторая версия, от нее и отталкивайся.

– В том-то и дело: вторая версия толком не оформлена!

– Разве это так важно? Представь, что этот тип просто стал жертвой какого-то убийцы. Как там его, Мотыльков?

– Мотылев.

– Так вот, допустим, что этот Мотылев стал жертвой просто так – безо всякой связи с изнасилованиями. Оказался не в том месте не в то время. Если закрыть глаза на очевидное, можно заметить что-то новое.

Просто жертва и просто убийство, да еще необычное, указывающее на определенные психические отклонения у убийцы... А ведь это может сработать!

– Ты знаешь, что ты гений? – задумчиво спросила Анна.

– Когда не дерусь с полицейскими и не бью стены в камере – да, я такой. Нужно ли мне добавлять, что я, естественно, помогу тебе во всем?

– Не нужно, а помогать ты начнешь прямо сейчас: для начала нам понадобится помощь Димы, а меня твой брат приветствует с той же радостью, что эпидемию бубонной чумы. Так что сразу после завтрака начинай звонить!

* * *

Дмитрий Аграновский пребывал в отвратительном настроении. Он знал, что это никак не скажется на работе: с его опытом, он мог проводить вскрытие хоть с закрытыми глазами и все равно дать точный отчет. Но ему от этого легче не становилось, мысли сами собой возвращались к утренней прогулке.

Жить на две семьи было непросто, однако он понемногу привык и старался всем своим близким уделять примерно одинаковое количество времени. Со своей женой Милой он оставался, потому что она стала для него верной спутницей, с которой он пережил самые сложные годы – и был благодарен за то, что она его не покинула. С Лидией и маленьким сыном он испытывал странное, ни на что не похожее счастье безусловной любви. Он был нужен и там, и там, Дмитрий гордился балансом, которого ему удалось достигнуть.

Конечно, в новых условиях он не смог бы присматривать за младшим братом так, как раньше. Его мало интересовало, что Леон давно уже вырос. Дмитрий опасался, что рано или поздно отцовские гены возьмут верх, и тогда может произойти что угодно. Трагедия!

Но в последнее время Леон справлялся со всем так хорошо, что даже старшему брату пришлось признать это. У него была отличная работа, дорогая квартира, да и союз с этой буйнопомешанной, Анной Солари, неожиданно привел к улучшению: Дмитрий давно уже не видел Леона таким спокойным и счастливым. Правда, стычка с полицией напрягла Дмитрия, он узнал о ней, когда все уже закончилось. Но там, вроде бы, не было ничего серьезного, и он решил не вдаваться в подробности.

Так что на очередную прогулку с Лидией и маленьким Серафимом он пришел в отличном расположении духа. А Лидия, с первых минут казавшаяся непривычно серьезной, вдруг спросила:

– Дим, когда у тебя следующий выходной?

– А что? – растерялся он.

– Мне от тебя кое-что нужно.

Это было совсем не похоже на ту Лидию, которую он знал! Когда ей было что-то нужно, она даже не озадачивалась просьбами – она просто отдавала приказ. Подвези, купи, дай денег – вот в таком духе. Ей казалось, что на все это она имеет полное право, потому что она – мать его ребенка. А тут вдруг робость, отведенный взгляд, вопрос еще этот... Дмитрий сразу почуял неладное.

– В четверг, скорее всего. А что?

– Забери тогда Серафима к себе. У меня свидание, не знаю, сколько времени займет.

Ему понадобилась почти минута, чтобы понять истинный смысл ее слов.

– У тебя... свидание?

– Да. А что такого?

– С кем?!

На этом запас смирения Лидии иссяк, и она тут же окрысилась.

– Твое какое дело?!

– Я имею право спросить, с кем встречается мать моего ребенка!

– Ты не имеешь права спрашивать, с кем встречается твоя бывшая любовница!

Если задуматься, она была права. Это Дмитрий каждый день возвращался в уютный дом, к жене и старшим детям. Лидия продолжала жить одна. А ведь она красивая, кому же это знать, как не ему! Из-за этого Дмитрий и влюбился в нее когда-то. Лидия стала замечательной матерью, и он втайне надеялся, что этого будет достаточно, а ко всему остальному она потеряет интерес.

Но вот случилось то, что давно должно было произойти: она привлекла чье-то внимание. Ее будет кто-то касаться, целовать, может быть, станет жить с ней... Сколько бы Дмитрий ни убеждал себя, что его это не касается, успокоиться уже не получалось.

Лидия так и не сказала ему, с кем встречается, а он согласился забрать Серафима к себе. Конфликт был решен, но поганое настроение закрепилось на весь оставшийся день.

Поэтому когда ему позвонил Леон и попросил о помощи, Дмитрию отчаянно хотелось послать его куда подальше. На кого еще сорваться? Не на жену же! Однако отказывать он все-таки не стал. Расследование преступлений всегда имело для него особое значение, это было единственное, на чем они с Леоном могли сойтись.

Вскрытие Артура Мотылева уже провел другой эксперт, так что для Дмитрия было мало работы. Он изучил отчет, а потом и осмотрел труп в присутствии Леона и Анны, которые, чтоб им пусто было, по-прежнему выглядели счастливыми.

– В отчете все указано верно, – наконец сказал Дмитрий. – Парня пытали, но, как бы цинично это ни звучало, умело. Над ним издевались так, чтобы он чувствовал боль, не теряя при этом сознание.

Ни одна из травм, которые он видел на теле Мотылева, не была смертельной или даже серьезной. Так, синяки, порезы, ссадины – и не более того.

– Он ведь долго этим занимался? – поинтересовалась Анна.

– Не меньше шести часов, судя по тому, как сформировались синяки.

– Значит, рот ему заткнул... Деревня там глухая, но не безлюдная.

– Кляп был, – подтвердил Дмитрий. – На это указывают повреждения на лице. Никаких специальных инструментов он не использовал, бил всем, что под руку попадется.

Но при этом не оставил никаких следов – Дмитрий уже успел уточнить. В старом деревенском доме нашли кровь и отпечатки пальцев самого Мотылева, на его убийцу не указывало ничто. Чтобы добиться этого в доме, где в пыли следы остаются, нужно было прийти в защитном костюме и очень внимательно следить за каждым своим движением. Кто так поступает? Да только опытный преступник, но уж явно не эмоциональный мститель! Дмитрий все четче понимал, почему Анну и Леона привлекло это дело.

– Он сильный? – уточнила Анна.

– Да, вне всяких сомнений. Чтобы обездвижить Мотылева, он не использовал никаких ядов или снотворного. Он просто придушил жертву – не до смерти, как вы уже знаете, а чтобы Мотылев потерял сознание.

После этого убийца подвесил беспомощную жертву под потолком и привел в себя. Ему не нужно было, чтобы Мотылев пропустил собственную экзекуцию! Характер травм, полученных покойным, указывал, что мучитель стоял на полу перед ним, не использовал никаких стульев, но все равно был лишь немногим ниже висящей перед ним жертвы.

– Значит, так... Все, что я сейчас скажу, – предварительный вывод, просто мое мнение, навязывать его следствию я не буду...

– Это понятно, давай по делу, – поторопил его Леон. – Что можешь сказать о нашем убийце?

– Он высокий, примерно одного с тобой роста, физически развит, это не обычная сила даже для такого крупного мужчины, рискну предположить, что он тренируется. Анатомию знает хорошо, понимает, куда бить больнее, как организм реагирует на травмы.

– Это какие-то специальные знания?

– Да нет, в эпоху интернета любой изучить вопрос может, было бы желание. Но он умен, этого не отнять, и вот еще что...

Дмитрий указал на металлический стол. Там в лотке лежала окровавленная тряпка, в которой, несмотря на темные пятна, еще можно было угадать дорогую ткань с изящным восточным узором.

– Орудие убийства, – определила Анна. Как и следовало ожидать, она уже все знала об этом деле. – Платок, принадлежавший второй жертве. Родственники затрудняются сказать, был он на ней в день убийства или его украли позже.

– Само по себе это напрямую указывает на мотив убийства, – добавил Леон. – Но когда нам указывает сам убийца, есть повод усомниться.

– Меня все это не касается, – отмахнулся Дмитрий. Он поспешил отвернуться от платка; у Лидии был такой же. – Моя задача – сообщать вам факты. А факт вот в чем: этот человек получил только одну смертельную травму. Если бы не она, он бы выжил даже после всех пыток. Но убийца засунул ему в рот платок и протолкнул так, что ткань забила все горло, серьезно его травмировав.

Это была тяжелая, мучительная смерть. Давление стимулировало рвотный рефлекс, но Артуру Мотылеву это не помогло, стало только хуже. Он задыхался и захлебывался одновременно, и длилось это несколько минут. Все это время его мучитель стоял перед ним и смотрел на дело рук своих. Возможно, говорил что-то или просто победно ухмылялся...

Дмитрий знал о том, что сделал Мотылев. Но такая казнь – это уже слишком... Не может один убийца судить другого, не должен!

Надев перчатки, Дмитрий осторожно приоткрыл рот покойника.

– Вот вам еще одно доказательство большой физической силы: запихивая в горло эту тряпку, он сломал несколько зубов.

– Может ли оказаться, что зубы сломал сам Мотылев, когда пытался укусить убийцу? – спросила Анна. – Если бы меня так убивали, я бы уже не думала о красоте улыбки!

– Даже не шути так, – нахмурился Леон.

– Кто тут шутит?

– Потом продолжите свои брачные игры, не здесь! – рявкнул Дмитрий. Реакция была неадекватной, да он и сам это знал. Но он слишком хорошо помнил о причине своего плохого настроения. – Нет, укусить убийцу он не мог. Об этом я забыл сказать, хорошо, что напомнила... Прежде, чем душить его этой тряпкой, убийца вывихнул ему челюсть, а потом, покончив со всем, вправил обратно. Сделано это было грубо, не слишком профессионально, и, если бы Мотылев остался жив, ему потребовалось бы серьезное лечение. Но никто не собирался оставлять его в живых, и для убийцы был важен чисто эстетический эффект.

– Иными словами, он примерно знал, как вправлять челюсть, но вряд ли практиковался в этом? – догадалась Анна.

– Да, а еще он действовал очень решительно. Если это не очевидно, скажу: Мотылеву было больно. Настолько больно, что он извивался всем телом, его трясло, он отчаянно вырывался и так далее. Нужно обладать очень крепкими нервами, чтобы не реагировать на все это – или очень сильно ненавидеть жертву.

– Или быть психопатом, – добавила Анна. – Что тоже возможно.

– Но маловероятно, – сухо указал Дмитрий. – Тебе всюду маньяки мерещатся, а их не так уж много!

– Больше, чем ты думаешь.

– Что, это тоже маньяк сделал? И на дороге меня сегодня маньяк подрезал? И лифт у нас маньяк изгадил?

Ему хотелось ссоры. Вот так глупо, нелогично – хотелось. Но Анна не поддалась на эту примитивную провокацию. Напротив, она заметила, что Леон готов вспылить, и опустила руку ему на плечо.

– Спасибо, что помог, Дима. Надеюсь, то, что тебя тревожит, благополучно разрешится само собой. Но если тебе понадобится помощь, ты можешь рассчитывать на нас обоих.

«На нас обоих» – она уже за Леона решает! А он стоит рядом и кивает, потому что согласен, потому что у них все хорошо...

– Да пошли вы оба... – устало произнес Дмитрий.

Он развернулся и, больше не обращая на них внимания, первым покинул морг.

* * *

Леон пока еще не решил, как именно относиться к этому расследованию. С одной стороны, он понимал, что Анна обнаружила нечто важное, он не винил ее за внимание к истории, которая больше не касалась ее напрямую. С другой, он не хотел, чтобы она рисковала. Страх потерять ее никуда не исчез, хотя нельзя сказать, что после той истории с Юпитером он стал маниакальным. Скорее, это была самая обычная боязнь разлуки, свойственная любящему человеку.

Обдумав все это, он решил, что пока беспокоиться не стоит. Расследование Анны в основном сводилось к просмотру бумажек, ей ничто не угрожало, жизнь шла своим чередом. Поэтому Леон без лишних опасений оставил ее одну и отправился на работу.

Их с Ярославом совместный бизнес уверенно держался на плаву и развивался бы намного быстрее, если бы они не тратили время на расследования. Однако их все устраивало, денег хватало, и заказы продолжали поступать. Они только-только закончили проверку одной фирмы, по которой Леон как раз заполнял отчет, а на следующей неделе их уже ожидал новый проект.

Можно было бы сказать, что все прекрасно, если бы Ярослав не казался непривычно рассеянным, почти потерянным. Как будто его мысли сейчас были не в офисе, а где-то далеко! Леон на правах лучшего друга пытался выяснить, что произошло, но так ничего и не добился. А поскольку лезть другим в душу было не в его правилах, он оставил Ярика в покое.

Это был редкий случай, когда Ярослав ушел с работы первым. Леон остался чуть дольше, чтобы разобраться с документами, и уже готовился покинуть офис, когда ему позвонила Анна.

– Есть! – торжественно объявила она.

– Дай угадаю... ты опять потеряла счет часам и понятия не имеешь, какое сейчас время суток?

Он не видел иных причин звонить ему, когда он должен был вот-вот вернуться домой.

– Ага, – беззаботно согласилась она. – Но какая разница? Главное, что я нашла! Не стопроцентная уверенность, конечно, зато процентов девяносто наберется.

– А теперь давай по порядку. Что именно ты нашла?

– Связь с другими убийствами! Кто мне сказал относиться к Мотылеву, как к самой обычной жертве? Ты сказал – и ты молодец. Но если предположить, что дело не в мести, то жестокий характер убийства указывает как раз на маньяка. А все, что сказал нам Дима, если не считать истерику, намекает, что этот тип работает не первый раз.

Здесь Леон был с ней согласен: с Мотылевым разобрался кто-то опытный.

– Если это действительно маньяк, убивающий ради удовольствия, у него вполне мог быть собственный стиль, – продолжила Анна. – Не обязательно, и все-таки шансы есть. Поэтому я начала просматривать нераскрытые убийства по Москве и области, пытаюсь найти что-то похожее на смерть Мотылева.

– Понятно, в какой момент ты потеряла счет времени... Аня, там же сотни дел!

– Нам не привыкать.

– И ты, памятуя начало нашего разговора, что-то нашла?

– Два убийства, – подтвердила она. – Четыре года назад был убит молодой бизнесмен из богатой семьи, можно считать, мажор. Его похитили возле ночного клуба, вывезли за город и залили ему горло гипсом – быстро застывающим, такой для детских поделок используют. Труп обнаружили в машине жертвы, никаких следов убийцы не нашли.

– Он был избит?

– Нет, избит он не был. Но причина смерти в чем-то схожа.

– Понятно... А второй?

– Вторая, – уточнила Анна. – Там вообще оригинальная история. Несколько лет назад некая юная леди решила прославиться тем, что убивала животных и снимала все это на видео, а потом выкладывала в интернет. Как ни странно, это действо пользовалось определенной популярностью. А потом девушку отловил неизвестный, хотя она тщательно скрывала свое имя, и убил ее с особой жестокостью.

– Что-то такое я помню, это было в новостях, – признал Леон. – Но давно...

– Два года назад.

– В упор не помню, как ее убили.

– Это сложно объяснить, – ответила Анна. – Я тебе лучше расскажу, когда ты сможешь увидеть фото.

– Но ее убили не точно так же, как Мотылева?

– Нет, не один в один, поэтому я и сказала про девяносто процентов. Но общие черты все-таки есть. Во всех трех случаях причиной смерти стало забитое чем-то горло – это раз. Убийства не были раскрыты – это два. Смерть была жестокой и своеобразной – это три.

С ней сложно было спорить. Две похожие смерти – это еще совпадение. Три похожие смерти – возможно, уже серия. Неизвестный убийца выдавал себя даже не схожим методом убийства, а профессионализмом. В полиции тоже ведь не дураки работают, и чтобы они не нашли подозреваемых по таким громким делам – это нужно было постараться!

– Я скоро приеду, как раз выхожу, – предупредил Леон.

– Жду. И это... захвати что-нибудь поесть, а? Насчет потери связи со временем, ты был прав...

– Сделаем.

– Я выживаю только твоей милостью, – рассмеялась она. – До встречи!

Он давно уже сомневался в том, насколько это вообще нормально: жить в доме, где нет ни намека на окна. Но с Анной на эту тему лучше было не разговаривать, Леон подозревал, что она не оценит его заботу, а укажет ему на дверь.

Он вышел из здания вечером, однако на улице еще было светло и многолюдно – август баловал приятной погодой. Поэтому к машине, припаркованной на офисной стоянке, Леон направлялся спокойно, не оглядываясь по сторонам и не ожидая угрозы.

Если бы он обычным человеком, таким, какого всегда хотел увидеть в нем Дима, его бы застали врасплох. Потому что обычный человек просто не готовится к удару в спину! Но история с Юпитером многому его научила. Леон не оглядывался постоянно, как параноик, однако он доверял своим инстинктам и боковому зрению.

Поэтому, когда рядом с ним мелькнул темный силуэт, оказавшийся ближе, чем допустимо для безобидного прохожего, он среагировал мгновенно. Леон отскочил в сторону – и чуть не попал под удар другого незнакомца. Ему потребовался весь опыт, чтобы уйти и от этой атаки, пытаясь разглядеть нападавших.

Их было пятеро. Все рослые, хотя и не слишком крупные. Одеты в темную одежду, но наряды не одинаковые, лица закрыты лыжными масками – такие в любом спортивном магазине купить можно. Двигаются нагло, однако неумело. В них все указывало на любителей – обычные гопники, которые нападают где-нибудь за гаражами.

Но здесь не гаражи, а центр города! Мысли Леона сразу же устремились к Юпитеру, ведь именно с его стороны он втайне ожидал нападения. Однако от этой идеи он быстро отказался: Юпитер никогда не послал бы за ним таких дилетантов, для него это было бы унижительно. Судя по движениям нападавших,

план у них был нехитрый: навалиться на Леона всем скопом и просто навалить ему.

Для этого им требовался эффект неожиданности, но момент уже был упущен. Они все еще не отступали, надеялись на что-то, хотя и не понимали, что даже численное преимущество им не поможет. Когда один из них попытался перехватить Леона, он сам наварлся на удар кулаком в челюсть, другой получил в солнечное сплетение и повалился на землю, третий – под колено. Похоже, они были достаточно глупы, чтобы пытаться и дальше, да не сложилось: на помощь Леону уже спешили охранники из офисного здания.

Нападавшие поняли, что все сорвалось. Они бросились к машине – выдавшему виды «Мерседесу» с залепленным грязью номером. Точно, дилетанты какие-то! Но достаточно сообразительные для того, чтобы удрать вовремя. Старый мотор отчаянно взревел, и вот уже машина бесцеремонно вторглась в ряды движения, вызвав немало возмущенных гудков.

Леон не собирался их преследовать. Он был зол, но не настолько, чтобы потерять контроль над собой. Когда к нему подбежали охранники, он даже сдержанно кивнул им.

– С вами все в порядке? – уточнил охранник. – Может, врача вызвать?

– Нет, медицинская помощь мне не требуется. Я бы не отказался только от ответа на один вопрос.

– Какой?..

– Что это, черт побери, только что было?!

Глава 3

Педро Родригес Фильо

Для нарядов, обуви, париков и грима у нее была целая гардеробная. Иначе нельзя, с ее образом жизни не обойдешься базовыми вещами. Анне нужны были зеркала, правильное освещение, а главное, спокойствие, чтобы создать персонажа, которому все поверят. Поэтому раньше она и мысли не допускала, что позволит кому-то войти сюда – даже если она впустила этого кого-то в свой дом.

Но им с Леоном нужно было обсудить расследование, до встречи с потенциальной свидетельницей оставалось меньше двух часов, так что времени на капризы не было. К счастью, Леон понял, что ей все еще непривычно вот так работать, и лишний раз не отвлекал ее. Он просто устроился в кресле неподалеку от столика, за которым она накладывала грим, и внимательно наблюдал за ней.

Анна решила, что сегодня ей нужно выглядеть старше своих лет, а еще – строго и показательно официально. Она выбрала черный брючный костюм, слишком темный для августа, но сейчас это к лучшему. Свои волосы, выкрашенные в медовый цвет, она спрятала под париком невразумительного русого оттенка. Теперь ей предстояло наложить грим так, чтобы прибавить себе десяток лет. А что делать? Есть люди, на которых молодость и красота действуют, как репейник под пяткой: не ранят, но бесят.

Движения были привычными, как использовать косметику – она знала, поэтому действовала Анна почти машинально, ей не сложно было сосредоточиться на расследовании, не отрывая взгляда от зеркала.

– Пока нельзя установить, когда этот тип начал охоту, – сказала она. – Если, конечно, мы по умолчанию допускаем, что эти три убийства – дело рук одного маньяка.

– А нам придется это допустить, иначе не получится расследовать.

– Именно. Так вот, за дело он взялся далеко не в этом году, но убийство Артура Мотылева как раз непрозрачно намекало на это. Его предыдущей жертвой, если я права, была Надежда Серенко, скрывавшаяся под псевдонимом Ирэн.

Два года назад видеоблоги уже всю набирали популярность. Но если кто-то рассказывал там о безобидных развлечениях вроде кино и музыки, кто-то другой

решил, что мирная ниша перенаселена. Один за другим появлялись те, кто играл на худших проявлениях человеческой природы. Те, у кого хватало технической грамотности, уходили в даркнет – темную сторону интернета, где их сложнее было отследить и поймать.

Однако оставались еще малолетки, которые мало что знали о даркнете, но легкой славы уже хотели. Среди них оказалась и Ирэн – юная особа, скрывавшая лицо под маской. У нее были причины скрываться: Ирэн была садисткой. Правда, издевалась она не над людьми, а потому считала, что это ее оправдывает. Она находила на улицах бездомных собак и кошек, мучила их и убивала прямо перед камерой.

Сначала полиция вообще не реагировала на ее выходки. Логика была проста: куда им за убийцей котят гоняться, когда не все преступления, связанные с людьми, раскрыты? Но армия противников Ирэн постепенно росла, зоозащитники били тревогу, и властям пришлось заняться делом.

Вот только поймать Ирэн оказалось не так просто. Несмотря на юность, она научилась неплохо замечать следы. На ее роликах невозможно было опознать ни ее, ни «мастерскую», в которой она работала. Ролики она заливала в интернет через разные компьютеры, их удаляли, а она все дублировала. Она считала себя неуловимой, и долгое время так и было.

– Но ее все-таки поймали? – поинтересовался Леон.

– Да, только вот не полиция. Думаю, когда все произошло, она как раз мечтала о полиции!

До Ирэн добрался неизвестный – подозреваемых по этому делу не было даже сейчас. Он не только определил, кто скрывается под псевдонимом, он узнал, где находится комната пыток, организованная Ирэн. В этом Анна видела определенное сходство с тем, как убийца выследил Артура Мотылева.

Вот только этот неизвестный не стал сдавать Ирэн властям. Он прекрасно знал, как знала и она, что серьезного наказания за ее грехи не будет. Животные – не люди, законы защищают их куда хуже. Некоторые воспринимают это как знак того, что животных можно убивать. Вот и Ирэн надеялась, что даже при худшем раскладе она отделается штрафом или условным сроком. Она не готовилась к

тому, что произошло на самом деле.

Тот, кто ее поймал, оказался куда большим психом, чем сама Ирэн. Он притащил ее в мастерскую, связал прямо перед камерами – и убил.

– Как именно?

– До такого еще додуматься надо было, – поморщилась Анна. – Он вставил ей в рот больничную трубку – пластиковую такую. Ее обычно используют, чтобы пациент не задохнулся во время операции. Некоторые в интернете писали, что это трубка для кормления была, но это бред. Никого в больницах не кормят, запихивая еду через огромную трубу прямо в горло! Так только гусей откармливают.

– Что он ей скормил?

– Я бы не назвала это «скормил»... Он заставил ее выпить несколько литров воды, густо перемешанной с собачьей шерстью.

Кому-то такая мера показалась бы обычным наказанием, которое один подросток придумал для другого. Кара для живодерки! Однако Анна, едва прочитав об этом в отчете, сразу поняла, что убийца выбрал жестокий и болезненный вид казни.

Собачья шерсть обладает сразу несколькими свойствами, которые в случае Ирэн оказались орудием пыток. Во-первых, каждая шерстинка жесткая и плотная, она способна вонзиться в нежную слизистую оболочку горла не хуже иглы. Во-вторых, мокрая шерсть легко слипается в комья. В горло Ирэн постоянно шел сильный поток, ей приходилось глотать, чтобы не захлебнуться. Но постепенно шерсть все больше травмировала ей горло – и оно опухало, забиваясь. Ирэн одновременно задыхалась и захлебывалась, совсем как Артур Мотылев. Их убийства на первый взгляд были совсем разными, а на второй – очень похожими.

– Когда все закончилось, он выложил запись в интернет прямо с компьютера, установленного в «мастерской» Ирэн, – подытожила Анна. – Через этот компьютер полиция и нашла место преступления. Но когда они туда добрались, было уже поздно. Они обнаружили только труп Ирэн – и никаких следов ее убийцы. С тех пор прошло два года, но не появилось даже подозреваемых. Таким

образом, у нас сразу два сходства Ирэн и Мотылева: они убиты странным способом, и они оба – преступники.

– Не сравнивай, все-таки эта девица, какой бы стервой она ни была, людей не убивала.

– Не убивала, – согласилась Анна. – Но по какой причине? Потому что не хотела – или потому что не могла? Потому что понимала святость жизнь – или потому что боялась серьезного тюремного срока? Я видела ролики, которые снимала Ирэн, посмотрела парочку для общего представления. Поверь мне, это было опасное существо. Можно долго спорить о том, достойны ли животные такой же жалости, как люди. Лично я верю, что ни одному живому существу нельзя причинять дикую боль ради собственного удовольствия. Чтобы ты правильно понимал, я не оправдываю убийцу Ирэн. Но я вижу причины, по которым он выбрал именно ее.

– Получается, у нас все-таки серия...

– Не совсем. Я сказала тебе, что нашла три убийства. Третье как раз отличается.

Третьей жертвой, и первой хронологически, стал Алекс Арташов, погибший четыре года назад. Он едва окончил обучение за границей, вернулся в Россию и с помощью родителей открыл собственный бизнес. Дела у него шли хорошо, он был молод, умен и красив. Всем казалось, что его ждет блестящее будущее.

Так и было бы, если бы он однажды не пропал. Он отправился в клуб с друзьями, а потом будто растворился в толпе. Этому не придали большого значения: решили, что он подцепил какую-нибудь девицу, мигом оценившую его золотые часы и айфон последней модели. Он такое уже проделывал, взрослый холостой мужик, имеет право!

Лишь на следующий день друзья и родные узнали, что участь Алекса была печальней. Кто-то вывез его за город, оглушил и залил горло гипсом. Убийство произошло в машине Арташова на пустынной дороге, свидетелей там не было. Да и среди многочисленных посетителей клуба не нашлось того, кто видел бы, когда и с кем ушел Алекс. Дело осталось «глухарем», несмотря на все давление влиятельной семьи Арташовых.

– И вот за Алексом как раз серьезных грехов не водилось, – указала Анна. – Я проверила, полиция тоже проверяла. По мелочи он куролесил: штрафы за превышение скорости, подрался в баре один раз, в Европе его с «травкой» брали. Но все это можно списать как погрешность. По словам свидетелей, он не был особо агрессивным или слишком наглым, ему это было не нужно, не в бандитской семье все-таки рос. Обычно такие мажоры имеют более весомый послужной список в полиции, так что Арташова можно считать почти ангелом.

– Но почти ангела убили...

– Да. Возможно, не тот, кто остальных двух, вот только по отчету судмедэксперта можно предположить, что убийца Алекса Арташова – рослый, физически развитый мужчина.

– Слишком много совпадений на один квадратный метр. Понял, будем копаться в деле Арташова!

Было и еще одно обстоятельство, о котором Анна не стала говорить – просто не хотела. Арташова убили четыре года назад, и это было проделано так грамотно, что не тянуло на первое убийство импульсивного маньяка. Нападая на Алекса, он уже не боялся крови, уже знал, что делать. Когда же этот тип вообще начал охотиться?!

На сегодня у них была назначена встреча с Ингой Арташовой – матерью погибшего. Ей Анна представилась сотрудницей прокуратуры, взявшейся за проверку этого дела. Четыре года «глухарь» висит – уж не отлынивает ли полиция от своей работы?! Ингу эта версия вдохновила, она, как и все потерпевшие по нераскрытым делам, считала полицейских круглыми идиотами и стремилась рассказать об этом.

Они встретились в обед в офисе Инги. Она вела бизнес наравне с мужем, родила сыновей очень рано, поэтому теперь никак не тянула на старушку. Впрочем, и красавицей ее бы никто не назвал. Было во внешности Инги что-то слишком строгое, стервозное даже, холодное. Она окинула Анну и Леона оценивающим взглядом и, кажется, осталась довольна. Но это не значит, что она сразу поверила им, и оба удостоверения, предъявленные ей, изучала долго и придирчиво.

В конце концов Инга осталась удовлетворена подделкой. Она понятия не имела, что долгое рассматривание качественной фальшивки ничем не отличается от беглого взгляда: обыватель все равно не заметит разницу.

Пока Инга возилась с документами, Анна изучала ее кабинет. Все строго, минималистично, по делу. Никаких тебе фотографий или портретов убитого сына, ничего лишнего. Пока рано было делать выводы, и все же Анне казалось, что убийство Алекса не причиняет его матери боль. Скорее, для Инги это было оскорблением, чуть ли не вызовом: как это так, кто-то осмелился убить ее сына, позариться на ее собственность!

– Мы изучили материалы уголовного дела, – объявила Анна, когда Инга наконец благосклонно ей кивнула. – Поэтому нет нужды повторять все, что вы рассказывали следователям четыре года назад. Мы пришли узнать, есть ли у вас замечания к их работе, считаете ли вы какую-то версию недостаточно проработанной.

– Конечно! – с готовностью отозвалась Инга. – Я считаю, что главную подозреваемую, ту проститутку, просто отпустили! Она явно откупилась от следствия и вы, прокуроры, должны с этим разобраться!

Анна ожидала выяснить на этой встрече какие-нибудь мелкие детали, за которые можно зацепиться, а сорвала джек-пот. Никаких упоминаний о проститутках в материалах следствия не было.

– Можно подробнее? – попросила она.

– Еще как! Раз уж следователи ведут себя, как тряпки последние, на вас одна надежда!

Отношения с женщинами у холостого Алекса Арташова были примерно такими, как и следовало ожидать. Ему не нужно было никого добиваться, искательницы наживы висли на нем гроздьями. Но его такие дамочки не устраивали, их, продажных, он считал недо-людьми и искал кого-нибудь из своего круга.

Он заводил романы, но долго они не длились, он оставался свободным. На одной из закрытых вечеринок он познакомился с обеспеченной молодой девушкой, такой же богатой наследницей, как он сам. Дальше, по словам Инги, молодые

люди добровольно направились в отель и переспали, а уже потом протрезвевшая девица испугалась и начала твердить об изнасиловании. Анна подозревала, что не все было так просто. Вечеринка для богатеньких, закрытый клуб... Наверняка дело не обошлось одним лишь алкоголем. Возможно, девушка была под воздействием наркотиков, не соображала, что творит, а утром, проснувшись в постели с незнакомым мужчиной, испугалась и устроила истерику.

Версию Анны подтверждало то, как Арташов успокоил любовницу. Выяснилось, что он снял все, что происходило ночью, на мобильный телефон. Кто вообще будет такое делать, не получив согласие партнера? Но Арташов сделал, и на записи было видно, что девушка не кричит и не сопротивляется. А уж трезвая она или нет – кто в темноте разглядит!

– Не знаю, чего эта дрянь хотела добиться, но ей это не удалось, – торжествующе объявила Инга. – Когда Алекс показал ей видео, она мигом отстала. Мы считали, что все закончилось...

Девушка не подавала никаких заявлений и сделала все, чтобы об этой истории поскорее забыли. Вполне возможно, без шантажа тут не обошлось: Алекс мог пообещать обнародовать видео, если она поступит иначе.

Но не прошло и полугода, как он погиб. Вот тогда Инга сама вспомнила про историю с изнасилованием. Она рассказала полиции – да только это ни к чему не привело.

– Следователь мне пообещал, что все проверит... Но я-то вижу, когда мне врут, половину жизни в бизнесе верчусь!

– В материалах уголовного дела ничего нет про ту девушку, – кивнула Анна.

– Да потому что ее родители вмешались! Они погасили конфликт, добились, чтобы ее имя не упоминалось в связи с этой историей! Решили, что кошелек закрывает любые двери!

Как и многие люди, привыкшие к подкупу, Инга терпеть не могла тех, кто действовал ее же методами. Это как раз Анну не удивляло, ее больше заинтересовало другое.

– Если ее родители так влиятельны, почему они в свое время не настояли на расследовании дела об изнасиловании?

– Да они не знали! Я только тогда это выяснила. Она им не сказала! Разве это не доказывает, что на самом деле ее никто не насиловал?

– Мы здесь не ради обсуждения изнасилования.

Картинка постепенно начинала складываться. Алекс Арташов встретил в клубе пьяную, едва соображающую, что происходит, девушку, отвез ее в отель, соблазнил. Возможно, изнасилования как такового и не было, она вообще не соображала, что происходит. А утром проснулась и начала соображать... И раз она ничего не сказала родителям, она и правда была застенчивой и скромной. Такая девушка пошла бы на все, чтобы скрыть свой позор.

Вряд ли она и правда отомстила Арташову сама. Такая женщина, как Инга, наверняка не смирилась бы с бездействием полиции. Анна не сомневалась, что бизнес-леди наняла целую армию частных детективов, охотившихся за несчастной девушкой днем и ночью. Если бы была хоть одна ниточка, связывавшая ее со смертью Алекса, ее бы давно обнаружили.

Так что дело не в девушке. Просто об изнасиловании и шантаже каким-то образом узнал серийный убийца – и судьба Алекса Арташова была решена.

– У вас есть материалы о той девушке и ее семье? – поинтересовалась Анна. – Мы, конечно же, проведем прокурорскую проверку. Я чувствовала, что в этом деле что-то неладно, но такого не могла и предположить!

– Конечно, у меня все есть! – злорадно объявила Инга. – Там еще и копия видео есть, которое снял мой мальчик. Вы посмотрите, посмотрите, как эта шалава себя ведет! Если кто-то назовет это изнасилованием, я сама себе голову отпилю!

Она протянула Анне папку, заполненную бумагами – в основном ксерокопиями и отчетами частных детективных агентств. Похоже, утереть нос следствию для Инги было важнее, чем установить, что случилось с ее сыном на самом деле.

Всерьез расследовать версию с изнасилованием и местью за него Анна не собиралась, здесь и так все было ясно. Самый важный ответ она уже получила: Арташов был преступником, как и Ирэн, как и Артур Мотылев.

Связь между убийствами становилась все отчетливей.

* * *

Эта девица определенно знала, как подчеркнуть свои лучшие стороны. Она работала в тесной комнате, при скудном освещении, но всегда смотрелась великолепно – и всегда носила красное. Наверно, потому что на красном не видна кровь. Лицо она скрывала за насмешливо забавной маской панды, а вот фигуру демонстрировала очень умно и эффектно. Это сочетание хрупкой красоты и чудовищных действий вызывало тошноту.

Ярослав уже не первый раз помогал Анне и Леону с расследованиями. Согласился он и теперь – сразу, без раздумий, потому что это было ему нужно куда больше, чем раньше. Он уже устал от постоянного раздражения, непонимания того, чего ему не хватает и что делать дальше. А расследование – это тема! Ему сейчас очень нужно было осознание того, что он делает нечто важное.

Так что он сначала подписался на это, а только потом разобрался, что от него требуется.

Анна и Леон уже достаточно доверяли ему, чтобы сообщить, чем они занимаются. Им сейчас нужно было понять, совершил ли три разных преступления один человек. Они занялись делом какого-то задушенного мажора, потому что там оставался непонятен мотив. А Ярославу доверили скандальное дело с убийством живодерки.

Там все сводилось к наблюдению за компьютерами. Никаких свидетелей не осталось – по крайней мере, таких, с которыми легко поговорить. Когда выяснилось, что Надежда Серенко – это Ирэн, даже ее смерть не защитила ее семью от нападков толпы. Они потеряли близкого человека, а на них еще лились тонны грязи, постоянные крики о том, что она это заслужила. К тому же, насколько удалось выяснить Ярославу, старшая сестра Ирэн почему-то обвинила

в ее смерти себя и даже пыталась резать себе вены. После неудавшейся попытки суицида вся семья переехала в Канаду.

Сначала Ярослав даже пожалел их, а потом начал смотреть ролики, которые снимала Ирэн, и забыл о жалости. Нет, умом он понимал, что ее родители и старшая сестра не несут ответственности за то, что она творила. Но как, как они могли вырастить такое чудовище?!

Ярослав всегда был силен. Природа щедро одарила его, ему не раз говорили, что он похож на викинга, и он прекрасно знал, что это правда. То, что досталось ему при рождении, он еще и развил тренировками. Он уделял этому не так много времени, как Леон, но мог за себя постоять. Как и все сильные люди, он не понимал, какое удовольствие вообще способно приносить причинение боли слабым.

А вот Ирэн это прекрасно знала. Теперь сложно было сказать, что манило ее больше: популярность или власть над чужими жизнями. Но останавливаться она не собиралась! Сварить в кипятке заживо, снять шкуру, выколоть глаза и засыпать раны перцем – это было лишь малой долей того, до чего додумывалась «хрупкая девочка». Даже Ярославу, взрослому мужчине и бывшему солдату, иногда приходилось ставить видео на паузу, просто чтобы перевести дух. А Ирэн делала все это, ее не останавливали ни отчаянные вопли животных, похожие на плач младенца, ни кровь, заливавшая ее руки и одежду. Судя по комментариям в сети, одни ее любили, другие – ненавидели, но все смотрели, кликали на ее видео снова и снова. Этим толпа была виновна не меньше, чем сама Ирэн! Лучшее, что могли сделать люди, – не поощрять это, не добавлять ей просмотров, жаловаться на нее сразу, не глядя. Сделать ее занятие бессмысленным и не приносящим доход. Так нет же, они внесли свой вклад в ее популярность...

Ярослав от просмотра этих видео никакого удовольствия не получал. Будь его воля, он бы вообще забыл их, как страшный сон! Но он занимался расследованием. Леон попросил его изучить ролики и разобраться: мог ли убийца вычислить, кем была Ирэн, по ее видео? Или он использовал какой-то другой метод?

Пока Ярослав не получил от этого ничего, кроме тошноты, усталости и бессильного чувства ярости. Ирэн была бессердечной – но не безмозглой. Она учитывала все, она ничем себя не выдавала. Как бы ни был гениален ее убийца,

из этих роликов он ничего бы не почерпнул. Ее ведь многие хотели найти – а справился только один.

Под конец он все-таки отважился и запустил запись смерти самой Ирэн. Полиция, естественно, давно уже удалила оригинал из Сети – но все, что попадает в интернет, мгновенно становится бессмертным. Эту дрянь тут же растащили на копии, и найти ее было куда проще, чем уничтожить.

На этой записи Ирэн уже не была самоуверенной хозяйкой жизни. Она тряслась, как трехмесячный котенок, с которого она когда-то сняла шкуру, она рыдала и пыталась что-то сказать, но ей мешала трубка, закрывавшая рот. Когда началась казнь, Ирэн выла так, что Ярослав вынужден был выключить звук. Он не смотрел на нее, он смотрел по сторонам. Может быть, убийца оставил в кадре какую-то вещь? Или он появится в отражении? Но нет, так бывает только в кино. Этот тип знал, что делает, не хуже, чем Ирэн.

Закончил Ярослав только поздней ночью. Не было смысла так спешить, его никто никуда не гнал, но ему самому хотелось поскорее покончить с этим. Он не брался сказать, как долго эти образы будут его преследовать.

Выключив компьютер, он подошел к окну и посмотрел на спящий город. Отчаянно хотелось закурить, но он сдерживался. Нужно просто поехать домой – и сразу в душ. Попытаться смыть с себя то, что смыть нельзя...

Его взгляд опустился вниз, на парковку перед зданием. В такое время она уже пустовала, сам Ярослав ею больше не пользовался: после того, что случилось с его машиной возле ресторана, он предпочитал платить за охрану на паркинге. Так что он ожидал, что площадка и вовсе окажется пустой.

Но одна машина там все-таки была. Да еще и какая-то старая развалюха, таких Ярослав здесь давно не видел! Сначала это показалось ему забавным, а потом он вспомнил рассказ Леона о том, как на него напали какие-то молодчики из древнего «Мерседеса».

Леон тогда не стал скрывать, что с ним случилось, сразу сообщил. А вот Ярослав так и не упомянул про случай возле ресторана. Сперва это показалось ему неважным – подумаешь, подростки хулиганят! Потом – неуместным. Да и нападение на Леона больше напоминало какую-то неудачную шутку...

Но вот и третий случай. То есть, ничего преступного пока не произошло. Но машина на парковке очень уж походила на ту, которую описывал Леон!

Ярославу не обязательно было спускаться туда. Он мог из паркинга сразу выехать на другую улицу, и из машины на парковке его бы даже не заметили. Но он устал за этот день – как за целый месяц каторжных работ. Поэтому потенциальная слежка со стороны непонятно кого раздражала его больше, чем когда-либо.

Он понимал, что поступает опрометчиво. Сейчас – глубокая ночь, свидетелей на улице мало, никто ему не поможет... Но все это почему-то казалось неважным и несущественным. Ярославу нужно было выместить на ком-то злость, появившуюся в душе из-за просмотра роликов Ирэн.

Поэтому, спустившись на первый этаж, он сразу направился к парковке. Он издали видел, что в машине кто-то есть. Ну точно, это слежка, отсюда можно разглядеть, горят ли окна в офисе!

Это еще больше разозлило его, и он поспешил к машине. В голове вдруг мелькнула шальная мысль: а что, если в него выстрелят? Вот прямо сейчас! С такого расстояния невозможно промахнуться, да и спрятаться ему негде. Это будет бездарная смерть, достойная премии Дарвина!

Но человек, сидевший в машине, не выстрелил. Вспыхнули фары, ослепляя Ярослава, взревел мотор, и машина сорвалась с места, спеша к пустым улицам. Спустя пару секунд Ярослав остался на парковке один, разглядеть автомобиль он так и не сумел, но уже решил, что об этом Леон точно узнает.

* * *

– Сериал же есть такой, – заметил Леон. – Забыл, как называется... Про то, как маньяк убивал только преступников.

– Я знала, что ты вспомнишь, – кивнула Анна. – И любой, кому будут говорить о том, что у нас тут, возможно, серийный убийца, избавляющийся от преступников, будет вспоминать этот сериал и судить ситуацию по нему.

– Но так нельзя?

– Я вообще не рекомендую судить жизнь по голливудщине.

Леону до сих пор было сложно поверить, что они докопались до правды – хоть в каком-то ее проявлении. Он доверял интуиции Анны и сразу допустил, что она может оказаться права. Но когда дошло до дела, признать, что существует серийный убийца такого рода, что он охотится уже много лет – и остается незамеченным... Не слишком ли это сложно?

А с другой стороны, если учесть все детали, ситуация получается не такая уж дикая. Пока им удалось вычислить только три убийства с промежутком примерно в два года. Жертвы не были знакомы и метод убийства не очевидно одинаковый. Когда происходило новое преступление, шумиха вокруг предыдущего успевала улечься, да и дела эти вели разные следователи.

Так что да, серийный убийца мог укрыться от полиции, но вот его мотив...

– Что, считаешь, что благородство серийного убийцы – это только задумка Голливуда? – усмехнулся Леон.

– Именно так я и считаю. Если даже этот сериал разобрать на составляющие, так будут одни штампы. Главный герой – плохой парень, который, как может, старается быть хорошим. Он любит свою семью, но не умеет сопротивляться своей темной страсти. И все же убивает он только плохих, да и от этого стремится избавиться. А еще он умеет грустить, радоваться, сопереживать, любить и далее по списку, его главная мечта – жена, дети и домик в ипотеку. Да, я смотрела эту муть, и у меня остался только один вопрос: при чем тут вообще серийные убийцы?

– Это всего лишь шоу для развлечения, – напомнил Леон.

– Вот именно. А у нас – настоящее расследование, которое не стоит судить по примеру шоу. Маньяки-мстители действительно существовали. Но их мотивация имеет ту же природу, что заявление насильника о том, что жертва сама его спровоцировала. Основа – «я имел право убить», остальное – условности.

– Что-то мне подсказывает, что настоящие маньяки-мстители не такие напояженные, как в Голливуде.

– Это «что-то» не ошибается.

После разговора с Ингой Арташовой они вернулись в дом Анны, чтобы разобрать предоставленные им документы. Леон подумывал заехать еще и в офис, но решил, что Ярослав со всем справится сам. Ему сейчас не хотелось оставлять Анну одну: расследование становилось все более серьезным.

Теперь они работали в библиотеке. Точнее, Анна возилась с компьютером, а Леон лениво просматривал многочисленные распечатки Арташовой, не особо надеясь найти в них что-то ценное.

Анна повернула ноутбук к нему, чтобы он смог рассмотреть фотографию молодого человека – смуглого, полуголого, покрытого таким слоем татуировок, что их оказалось куда больше, чем свободной кожи. Взгляд у молодого человека был удивленный и растерянный, будто он вообще не понимал, что его снимают.

– Педро Родригес Фильо, – представила Анна. – Он же – Матадор. Вот тебе пример реального «убийцы убийц», а не голливудской помадки с запахом ванили. За свою жизнь убил больше семидесяти человек.

– Солидно! – присвистнул Леон.

– Сам он, однако, утверждает, что убил больше сотни, но с семьюдесятью все более-менее ясно. Вот это куда более реальный пример того, за кем мы охотимся, чем киногерой. Хотя что-то общее с сериалом у него есть... Так, отвлеченно. У киношников, насколько я помню, маньяк стал маньяком, потому что искупался в крови матери – достоверность прямо зашкаливает.

– Зато драматично и зрелищно. А в реальности что?

– В реальности у Фильо было два фактора, которые вполне могли повлиять на его дальнейшую судьбу. Один из них – это генетическая предрасположенность. Его отец был буйным и агрессивным. Второй фактор вытекает из первого: еще до рождения Фильо его отец так сильно избил мать, нанося удары в том числе и

по животу, что младенец появился на свет с травмой головы. В случае с тем, кого мы ищем, тоже наверняка есть некое изначальное условие... То, что заставило его выбирать именно преступников.

– Хорошо хоть со мной не сравнила! Я, считай, тоже немало времени посвящаю охоте на преступников, хотя с профессиональной точки зрения не имею к ним отношения.

Это было шуткой лишь наполовину. Сейчас Леон не мог сказать, что его так уж терзает груз прошлого. Но не мог он и закрыть глаза на все те годы, когда старший брат твердил ему про «дурную кровь». Когда, взрослея, постоянно слышишь, что у тебя есть все шансы стать чудовищем, радости это не добавляет.

Да и потом, Леон начал замечать в себе кое-что... настораживающее. Когда он преследовал преступников, он испытывал определенный азарт. Его порой не пугало то, что привело бы в ужас любого другого человека. Это ли не повод задуматься?

Но каждый раз, когда это начинало всерьез его беспокоить, он напоминал себе, что Анна присматривает за ним. Да она первой заметит, если что-то пойдет не так! Ну а Дима с его мнением может не выпендриваться. Он, конечно, врач – но на его способности к психоанализу это никак не сказывается.

Вот и теперь Анна бросила на него укоризненный взгляд:

– Не сравнивай себя с серийными убийцами, сколько можно тебе повторять? Поверь мне, какие бы мелкие вспышки радости от охоты ты ни ощущал, ты понятия не имеешь, что такое жажда убийства.

– Ты так во мне уверена?

– Больше, чем в себе самой. Тот же Фильо с детства отличался агрессией. Это взрослые учатся такое скрывать или хотя бы маскировать. Детей читать проще... Он был готов убить в тринадцать лет, просто не получилось, сноровки не хватило. А так у него было все просто: повздорил с родственником – попытался запихать под пресс. Ты хоть раз пытался Диме шею свернуть? Подозреваю, что поводы он давал.

– Не смешно, – сухо отметил Леон. – Ну, подраться я был не дурак в любом возрасте...

– Подраться и убить – не одно и то же. Фильо сумел убить уже через год. Прямо посреди улицы, на глазах у толпы взял ружье и застрелил заместителя мэра. И уже тогда он начал оправдывать себя. Есть такие убийцы, которые сразу выстраивают для себя четкую мотивацию и с ее помощью оправдывают себя, освобождают от грехов и не терзаются муками совести, свойственными некоторым другим преступникам.

– Чем же четырнадцатилетний пацан мог оправдать убийство мэра?

– Заместителя мэра, но не суть. Тем, что этот самый заместитель обидел отца Фильо, обвинив в преступлении, которое тот не совершал. Папаню уволили за то, что он якобы крал продукты из школы, где числился охранником. Фильо был о своем родителе невысокого мнения, но с таким обвинением не согласился и решил проблему радикально. Потом он, кстати, успел пристрелить охранника, который на самом деле крал продукты.

– Значит, уже в детстве этот Фильо сел...

– Не сел, – покачала головой Анна. – Забыла сказать тебе: все это имело место в Бразилии примерно в семидесятых годах. Там отношение к преступлениям и законам иное, даже если речь идет об убийстве. Фильо убил двух человек и сумел скрыться в трущобах, его не поймали. Даже само его прозвище Матадор – по-русски получается красиво. Но полностью оно звучит как «Педриньо-Матадор», что можно перевести как «Петя-Убийца». Короче, даже к тому, что он пристрелил двух взрослых мужчин, отнеслись с легкой насмешкой.

С насмешкой, которая наверняка поощрила самого Фильо, Леон видел, к чему она клонит. Но по-настоящему важным здесь было другое... Мальчишка убил – неловко и глупо. То, что он не попался, можно считать дурным везением, никакого особого таланта у него не было.

И это нормально для первого убийства. Вопрос в том, как его совершил нынешний маньяк и как сумел остаться незамеченным.

– Значит, ты считаешь, что наш Матадор агрессивен, почти как Фильо? – спросил Леон.

– Матадор, значит... Ладно, пусть будет так. Но давай без «наш», меня право собственности на этого упыря не прельщает. Да, я более чем уверена, что он агрессивен. Из трех смертей, о которых нам известно, только смерть Алекса Арташова не была долгой, он, по мнению экспертов, был без сознания, когда его убивали. Но, по сравнению с другими, это раннее убийство, Матадор еще не набрался опыта и боялся иметь дело с сопротивляющейся жертвой. Да и Алекс Арташов был физически сильнее, чем Ирэн или Артур Мотылев. Но дальше убийца не сторонился причинения боли и насилия.

– Короче, по аналогии с Фильо мы узнали, что он псих, – вздохнул Леон. – Радость-то какая!

– Мы узнали не только это. Думаю, как и у Фильо, у него было непростое детство.

– Почему это?

– Из-за его фиксации на травмах горла. Это никак не связано с теми преступлениями, которые совершили его жертвы, – кроме Мотылева, который задушил свою жертву, но сходство не стопроцентное. Значит, это у Матадора что-то связано с горлом, удушением или утоплением.

С ней, как всегда, сложно было спорить, да Леон и не собирался.

– Почему ты решила, что с ним что-то случилось именно в детстве? – уточнил Леон. – Может, позже!

– Выше вероятность. Детская память – самая чистая, соответственно, и отпечаток, оставленный в ней, будет самым ярким. Матадор агрессивен, как Фильо, но он куда умнее и сдержаннее. Фильо-то особо не замечал следов, он просто умело пользовался тем бардаком, который творился на улицах. Убежав из дома после убийств, он пацаном сумел отвоевать себе место среди уличных банд. Это стратегия боевого пса: вижу цель – атакую цель. Но Матадор живет в совсем других условиях. Он чувствует ярость, которая способна его погубить. Поэтому он сдерживается во время подготовки к преступлению и внимательно выбирает себе жертв. Возможно, даже с надеждой, что убийство преступника

будут расследовать не так тщательно! Но, добравшись до жертвы, он дает себе волю. И если проследить цепь убийств Арташов-Ирэн-Мотылев, можно увидеть, что Матадор становится все более жестоким. Он уже не остановится, он ведь даже не знает, что мы вышли на его след – полиция по-прежнему ищет того, кто отомстил насильнику. Но даже если бы он знал... он не смог бы остановиться.

В какой-то момент Леону захотелось отказаться от этого дела, передать его полиции и забыть. Не потому, что он действительно оправдывал Матадора или боялся его – вот уж чего не хватало! Просто, вопреки всем словам Анны, Леон боялся найти сходство между собой и убийцей. Это сразу обесценит все, чего ему удалось достигнуть...

Он отогнал это наваждение. В сомнениях нет смысла, нужно действовать. Это Дима верит, что серийных убийц не так уж много, а значит, Анна точно не права. Здесь они наткнулись на нечто совершенно особенное.

– Так что будем делать? – спросил Леон.

– Для начала я хочу поговорить с Чихушей.

– С кем?..

– С Антоном Чеховским, – улыбнулась она. – Это следователь, который ведет дело Мотылева. Он не дурак, умеет свободно мыслить, ему можно доказать, что эти преступления связаны. Поддержка полиции нам не помешает! К тому же, без него я не выйду на следующий уровень.

– Какой же?

– Я нашла три убийства, но это наверняка не все. Раз в два года – слишком мало. Я хочу, чтобы Чихуша просмотрел полицейские отчеты и нашел другие убийства, которые могут быть связаны с Матадором. Это план номер один. А план номер два – узнать, что связывало уже известных нам жертв, кроме очевидного. В мире в целом и в Москве в частности очень много преступников, не получивших достойного наказания – увы! Но Матадор почему-то выбрал именно этих троих. А ведь их преступления не были на виду, нужно было постараться, чтобы все выяснить! Получается, он выбрал их до того, как все выяснил. Как? Почему?

– Узнать это будет сложно.

– Вне всяких сомнений. Но когда нас с тобой это останавливало?

У нее все было просчитано, однако иначе и быть не могло. Похоже, Матадор, сам того не зная, задел Анну за живое. Она ведь выследила Мотылева и почти добилась его ареста! А Матадор опередил ее и увел добычу у нее из-под носа. Она, конечно, не признается в этом, но работать будет в два раза усердней.

Леон не сомневался – если она не разберется в этом деле, никто другой точно не справится. Сейчас он должен был помочь ей – и уж точно не отвлекать...

Поэтому он так и не рассказал ей про свой недавний разговор с Яриком, обнаружившим ночную слежку. И про проколотые шины. И даже про нападение. По сравнению с тем, чем занималась сейчас Анна, это казалось ничтожной проблемой, не заслуживающей ее внимания. Леон уже не сомневался, что это не происки титана вроде Юпитера, а возня какой-то мелкой шпаны. Причем связанная не с расследованиями дел маньяков, а с Леоном и Ярославом – следовательно, с их фирмой.

Это какие-то конкурентные разборки, не больше. И прекратить их Леон был намерен самостоятельно, не впуская в это дело эксперта по серийным убийцам.

Глава 4

Мария Апаресида Олимпия

В этом деле, которое обещало быть таким простым, не оказалось ни-че-го. Если смотреть только на факты, получалась слишком уж мутная история. Убийца появился ниоткуда, просто возник из воздуха, и никто в деревне его не видел. Он несколько часов безжалостно пытал Мотылева, убил, а потом исчез в никуда. Очень удобно!

Антон Чеховский прекрасно понимал, что эмоциональный мститель, как бы умен он ни был, на такое не способен. Выследить маньяка – да, может быть. Но провести по-военному идеальную операцию – ни за что на свете. Поэтому теперь следователь был готов не просто встретиться с Анной Солари, а внимательно ее выслушать.

Хотя в глубине души ему не хотелось, чтобы она оказалась права. Антон терпеть не мог серийных убийц, он ставил их на один уровень с террористами и военными преступниками. Маньяки убивают массово – и без причины. Нет, нельзя сказать, что причина оправдывает убийство, но все же... Это не люди, это животные, которым не место в нормальном обществе. Антон просто радовался, что их немного, и каждый раз, когда Анна рассказывала ему о новом таком существе, следователю хотелось возразить.

Но тут обстоятельства выступали на ее стороне, и она это знала.

– Нет, я была бы рада сказать тебе, что мир состоит преимущественно из радуг и бабочек, а зла в нем нет совсем, – рассуждала она, размешивая сахар в чашке кофе. – Но у тебя в морге сейчас лежит труп, который намекает, что все не так просто.

Они встретились в кафе, подальше от участка. На этом настояла Анна, ей почему-то казалось, что преступник сейчас внимательно наблюдает за следствием – и за тем, кто это следствие ведет. Антон считал такую меру предосторожности излишней, но не стал спорить. Почему бы не мелькнуть на публике рядом с красивой женщиной, если появилась такая возможность?

Вообще-то, Чихуша был давно и счастливо женат. Но он об этом не распространялся и даже не носил обручальное кольцо: успешная семейная жизнь не вязалась с образом неудачника, обделенного женским вниманием.

– Хватит глумиться, скажи лучше, чего ты хочешь, – проворчал Антон.

– Хочу, чтобы ты для начала вышел из тупика, в который Матадор тебя затолкнул.

– Я отказываюсь называть его Матадором.

– Как тебе будет угодно, но отказаться от тупика уже не получится. Он мастерски все провернул, когда использовал для убийства платок второй жертвы. Теперь полиция только и делает, что проверяет ее знакомых – включая друзей по детскому саду из ясельной группы. Забудь о платке и о том, что сделал Мотылев, сосредоточься вот на этом.

Она положила на стол перед ним три тонкие картонные папки. Антон поспешил убрать их в сумку, не читая. Ему не слишком нравилось, что рассказы о жестоких убийствах лежат рядом с его десертом. В жизни все должно быть в свое время – начиная с сытного обеда.

– А тебе с этого что? – спросил следователь без малейшей язвительности. За все в жизни нужно платить, он от этого принципа никогда не отказывался.

– Мне от этого – другие убийства, совершенные Матадором.

– Он, насколько мне известно, не подписывается.

– Тогда обойдемся просто нераскрытыми убийствами по Москве за последние пять лет – для начала. Теми, которые связаны с удушением или утоплением.

– Это не такие редкие параметры, как тебе кажется, – указал Антон. – Стопка будет солидной, ты не найдешь его там.

– Но это лучше, чем работать с пустотой. Просто принеси их мне, дальше я разберусь сама.

– Как скажешь. И зря ты не заказала чизкейк, он у них тут знатный!

Да, он воспринял Анну Солари всерьез. Но это не значит, что он сразу же бросился выполнять ее поручение. Вечером того дня Антон нашел среди архивов электронные копии тех дел, которые дала ему Анна. Хотел изучить их – и не успел: рабочий день закончился. Поэтому он убрал папки в сейф, таскать их с собой он не собирался, отключил компьютер и отправился домой.

Он не обсуждал с семьей свою работу. Это было небезопасно – и всех напрягало. Возможно, поэтому Антону и удалось сохранить брак, в отличие от других

полицейских, считавших себя куда более успешными.

Так что к файлам, оставленным Анной, он вернулся только поздним утром следующего дня. Заварил себе чашечку чаю, приготовился читать – и увидел на компьютере синий экран, предупреждавший, что в систему ему не войти.

Это было странно. Компьютер у него был старый, как и у всех следователей в участке, но вполне рабочая машинка. С ним даже особых проблем никогда не было, а тут – сразу такое! Вызванный к столу системный администратор угрюмо резюмировал:

– Вирус вы подхватили. Хреновый.

– Какой еще вирус? – поразился Антон. – Где?

– По порносайтам надо меньше лазить! – Судя по довольной ухмылке, администратор считал шутку на удивление удачной.

– А ведь за такие разговоры и дорогу к выходу показывают, – холодно указал Антон.

Администратор сразу растерял желание шутить.

– Да ладно вам! Я понятия не имею, как на компьютер попал вирус, откуда ж мне знать? Но вообще, если проблем с компьютером раньше не было, а тут – синий экран смерти, это должна быть серьезная штука. Такие просто так поймать тяжело, обычно их намеренно подсаживают, чтобы сломать компьютер. Вам кто-нибудь мог так угрожать?

Антон ненадолго задумался, потом покачал головой. Среди дел, которые он вел, не было ни одного, связанного с компьютерной безопасностью.

– Нет, вряд ли.

– Тогда вам просто не повезло, – заключил администратор. – Бывает.

– И что теперь делать?

– Систему переустанавливать! Это несколько часов займет.

– Тогда начинайте. Видите? В мире есть дела поважнее, чем выдумывание нелепых шуточек.

Администратор с оскорбленным видом утащил куда-то компьютер, а Антон вернулся к почти остывшему чаю. Прочитать документы, которые добыла Анна, он мог и с бумаги, так что проблемы в случившемся он не видел.

* * *

После долгих размышлений Анна вынуждена была признать, что этот убийца может оказаться особенным. Но уж точно не потому, что изображает из себя Робин Гуда, героя американского сериала и еще непонятно кого. Дело не в том, что он делает и почему, не в самих действиях, а в том, какой он – чисто на физиологическом уровне. Ведь тяга к убийству, особенно такая, влияет на тело, просто не все об этом знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ol-hovskaya_vlada/posledniy-vyход-matadora

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)